

БАСИЛИЙ КОЛИН

Наколочка

СМЪХИ РАЗНЬХ ЛЕМ

Василий Колин

ЗАКОЛОЧКА

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Предисловие Владимира Гундарева

ББК 84Р7-5

К 60

К 60 Колин Василий

Наколочка. Стихи разных лет/Предисловие
В. Гундарева. – Петропавловск, 2006. – 224 с.

Новая книга Василия Колина – это, своего рода, продолжение первой, которая вызвала неординарную и бурную реакцию в литературных кругах.

«Наколочка» – как бы второй том скандально известного сборника «Иисус изумлённый». Герои с надломленными судьбами, любовь к женщине и сложные, порой противоречивые чувства к Родине поэта, России, – вот лейтмотив «Наколочки».

- 53 805 -

К 4702010202
00(05)-06

ISBN 9965-27-996-9

© Колин В., 2006

БИЕНИЕ ПОДЛИННОЙ ЖИЗНИ

Василий Колин, по моему убеждению, – поэт настоящий.

Талантливый, самобытный, оригинальный, даже похорошему дерзкий, с собственным богатым внутренним миром и своим видением окружающего мира. Утверждаю это потому, что довольно обстоятельно знаком с его поэтическим творчеством. Впервые стихи Василия Колина я прочитал в начале девяностых годов минувшего века, когда встретился с ним, и они произвели на меня благоприятное впечатление, что позволило опубликовать их в журнале «НИВА». Впрочем, чем-то особо примечательным, колоритным, ярко выраженной индивидуальностью автора они тогда не отличались – просто добротные стихи, хорошо сделанные, ладные строки на вполне достаточном художественном уровне, свидетельствовавшие об определенном поэтическом даровании и мастерстве. Но не более того.

После этого на целое десятилетие В. Колин выпал из поля моего зрения. И вот в 2003 году мы встретились с ним снова – на этот раз в Петропавловске, и Василий Васильевич показал мне новые стихи и даже подарил тогда только вышедший из печати свой первый поэтический сборник «Иисус изумлённый». И это был уже совсем другой Колин, ошеломивший меня своими творениями, а некоторыми стихами просто

шокировавший. В целом его строки показались мне крепкими, мускулистыми, с плотью и кровью, в них чувствовалось биение подлинной жизни – не придуманной поэтическим воображением, а реальной, противоречивой, подчас жестокой, с её бедами и страданиями, горем и несчастьем, мраком и проблесками света, маленькими человеческими радостями и таким желанным счастьем.

Ещё в большей степени все эти новые качества и творческие обретения Василия Колина проявились в очередном сборнике стихов, предлагаемых читательскому вниманию.

Оказывается, прошедшее десятилетие было для автора очень трудным, но плодотворным. Прежде всего, это был поиск всего дальнейшего жизненного пути, своего места в координатах бытия. Поиск сложный и мучительный. Хотя и его предыдущая биография не была простой и безоблачной. Родился В. Колин в 1954 году в Челябинской области. Учился в текстильном техникуме в Подмоскowie, на курсах экскаваторщиков в Гулистане (Узбекистан), в Петропавловском железнодорожном техникуме. Впоследствии окончил в Петропавловске пединститут. Это что касается учебы. И рабочая закваска у него тоже основательная. Был слесарем, машинистом скрепера, воспитателем, преподавал русский язык и литературу в Магнитогорском горно-металлургическом институте, возглавлял в качестве директора Северо-Казахстанский

ЦНТИ, десять лет отдал журналистике, пройдя путь от корреспондента до редактора областной газеты. В общем, за плечами у него был большой житейский опыт (пригодившийся и в творчестве), пожалуй, он-то и помог В. Колину в сочетании с упорством, настойчивостью, силой воли и другими положительными свойствами одарённой натуры не растеряться под натиском жёстких обстоятельств, не затеряться в хаосе происходящих перемен, а суметь войти в круговерть сложных рыночных отношений, преодолеть немалые препятствия, в том числе и собственные, мягко говоря, слабости, целеустремленно заняться предпринимательством и, постоянно рискуя, добиться определенных успехов в бизнесе.

Но самое поразительное, что одновременно с этим Василий Колин делал и серьёзный выбор в поэзии, он не только не утратил увлечённость стихами, а стал относиться к творчеству как к своему предназначению, милое увлечение переросло, если так можно выразиться, в осознанную необходимость творить. И как ему удалось совместить несовместимое – суровую прозу бизнеса и поэтическую окрылённость – об этом знает только он сам. Однако результат, что называется, налицо. В. Колин многое переосмыслил, кое-что отринул, от чего-то отказался, на что-то взглянул по-своему, под иным углом зрения. Эта напряженная работа ума и сердца постепенно позволила ему обрести собственный поэтический голос, внести в стихи свою

интонацию своеобразия, ярко выраженные индивидуальные черты. Именно эта непохожесть на других и отличает истинного поэта от сонма безликих стихотворцев.

У Василия Колина зоркое поэтическое зрение, подмечающее и мельчайшие детали в окружающей природе, пространстве жизни, и неуловимые движения души, и характерные приметы времени, уродливые явления действительности. Он отваживается переносить в стихи и то увиденное постыдно-мерзкое, что существует вокруг нас и что мы обычно стараемся не замечать. В. Колин не только не проходит мимо, но и умудряется эти метаморфозы серой и невзрачной обыденности запечатлеть в стихах. Вдумчивый читатель в этом может убедиться сам, внимательно прочитав произведения, составившие данную книгу (наиболее показательны в этом плане разделы «Русь гулящая» и «Шурши, малина!»).

Скупыми, но точными мазками автор создаёт запоминающиеся образы простых людей с изломанными судьбами, людей, многое испытавших и вынесших. И поэт не скрывает своего глубокого сочувствия, сострадания к этим бедолагам. В качестве примера сошлюсь на «Балладу о кочегаре» и стихотворение «Ходит по городу нищий...»

Даже в великолепных лирических стихах (а у В. Колина трепетная и чувствительная душа) вдруг появляются неожиданные образы и эпитеты, метафоры

И таких изюминок, поэтических находок в творениях В. Колина немало. К примеру, в стихотворении «Не заглядывай в глаза» рефреном проходит строфа:

Хорошо в лесу бродилось
И под звёздами спалось.
Из того, что получилось,
Ничего не удалось.

Целая жизнь заключена в этих легких, изящных и ироничных строчках. Разве не так?

В то же время должен заметить, что лично я далеко не всё принимаю в творчестве Василия Колина. Мне кажется, что иногда ему изменяет чувство меры. И хотя он считает, что «ненормативная лексика не портит, а усиливает художественные образы», я с этим утверждением согласиться не могу. Я также решительный противник блатного жаргона, тех выражений, использованием которых поэт, на мой взгляд, злоупотребляет. Идеализацию уголовного мира (при катастрофическом росте преступности) я тоже категорически не приемлю. Конечно, поэт вправе писать и об этом, о тюрьмах и «зонах», но важно не переступить грань, отделяющую добро от зла, и не вносить путаницу в нравственные понятия. Поэтизация криминала, а именно это вольно или невольно происходит у автора, мне, например, чужда.

В аннотации к первой книге В. Колина «Иисус изумлённый» сказано, что его поэзию отличают такие качества, как искренность, четко выраженная

гражданская позиция, любовь к родине и боль за судьбу России. Это справедливые слова. Их вполне можно отнести и к новой книге. В раздумьях и философских размышлениях о минувшем и настоящем, о людских судьбах и быстротекущем времени, в любовных переживаниях, в лирических зарисовках о природе предстаёт истинный Василий Колин – поэт интересный, колоритный, остро чувствующий боль мира и боль человека, поэт, достигший порога золотой поры зрелости. Я уверен, что он обладает изрядным творческим потенциалом.

Владимир Гундарев,
поэт, главный редактор
казахстанского литературно-
художественного и общественно-
политического журнала «НИВА»

Край
земли

АСТАНА

Стелет осень из листьев постель
Для грядущей холодной царицы,
И кружит золотая метель
Во дворах казахстанской столицы,
Где торжественный солнечный свет
Отражается в зеркале окон.
На изломе серебряных лет
Я влюбился в тебя ненароком.

Пусть гордится по праву страна
И любят гости тобой.
Город будет всегда молодой –
Астана, Астана, Астана!

Различаю на вкус и на слух
Все оттенки целинного края.
Непокорный акмолинский дух
Породнился с душой каравая.
На квадраты твоих площадей
Покормиться слетаются птицы.
Очень много хороших людей
Встретил я в казахстанской столице.

Пусть по праву гордится страна
И любят гости тобой.
Город будет всегда молодой –
Астана, Астана, Астана!

Пережили мы красный кошмар
И трагедию страшного джута...
Листья падают на тротуар,
Шелестя, как в кармане валюта.
Мне навстречу шагает народ –
Евразийские милые лица.
По весне, когда степь зацветёт,
Я вернусь, чтобы снова влюбиться.

Пусть по праву гордится страна
И любят гости тобой.
Город будет всегда молодой –
Астана, Астана, Астана!

БАЛЛАДА О ПЕРВОЦЕЛИННИКЕ
ВАСИЛИИ РАГУЗОВЕ

«Помню, как всех на целине потрясла гибель студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова. В один из ясных дней в составе колонны Рагузов вёз со станции сборные дома. Неожиданно начался буран. Колонна остановилась. Василий решил идти за помощью. Пошёл один, заблудился и погиб... Письмо, найденное у него в кармане, стало обращением ко всем живущим».

Л. Брежнев. «Целина»

1

Степь направо, налево степь,
Волком воет метель в ночи.
Человек от снега ослеп,
А кругом, кричи не кричи,
Ветер злой кусает и рвёт,
Шарф срывает с небритых щёк,
Превращая тёплое в лёд.
Человек за сугробы лёг.

2

Страшно думать ему о том,
Что приходит последний срок.
Так мечталось поднять свой дом...
Он бы город построить мог,

Да застряла мечта в пути –
На исходе уже бензин,
И решил он один идти.
Почему ты пошёл один?!

3

Степь налево, направо степь.
Хищным зверем буран кружит.
Бой идёт за целинный хлеб,
Ждёт колонна. Эй, не лежи!
Должен где-то посёлок быть.
Надо, надо ползти вперёд.
– Чёрт возьми, как хочется жить!
Боль Рагузову сводит рот.

4

Тёзка мой, товарищ и брат,
Не могу отвести беду.
Двадцать шесть долгих зим подряд
Я на помощь тебе иду.
Мысли жуткие выкинь прочь,
И тоску схорони в душе.
Может, в эту самую ночь
Я не зря родился уже.

5

Двадцать шесть долгих зим подряд
Через время я шёл к тебе.

Степь давно превратилась в сад,
Колосится в каждой судьбе.
Хлеб направо, налево хлеб.
Не колосья – солнца лучи...
А ты грудью упал на степь
И остался лежать в ночи.

6

Не ответил на чей-то зов –
И никто тебя, друг, не спас;
Не увидел распухших глаз,
Что читали в несчётный раз
Правду острых, как льдинки, слов:
«Гончарова, пятнадцать, Львов.

7

Дорогая, родная жена,
Сыновья мои, Вова и Саша.
Быстро лето закончилось наше,
Если можно, простите меня.
Мой отец уходил на войну,
Защищая живое от смерти.
Я ушёл поднимать целину,
Чтобы жили богаче мы. Верьте
Этим строкам, как верите мне.
В жизни главное – быть человеком.
Я умру, но цвести целине,
И пшеничным не вылиться рекам.

Трудно будет – крепите сердца.
Обо мне прошу долго не плакать.
Жизнь и степь не имеют конца –
Ваш навечно, целую всех, папа».

8

Двадцать шесть пролетело лет –
Город вырос, колос окреп.
В благодарность за жизнь и хлеб
Вспомни тех, кого больше нет –
Каждый подвиг будет воспет.
Степь направо, налево степь...

1981 г., Петропавловск

* * *

Степь начиналась от воды –
Гласит один из многих мифов.

В цивилизацию Орды
Перетекла культура скифов,
Где обручальное кольцо
И после смерти не снималось.

Моё скуластое лицо
Мне от кочевников досталось.
Ещё – свободой дорожить
И завоевывать парижи...

В Европе тоже можно жить,
Но Азия – по духу ближе.
Имея свой менталитет,
Я не слышу за иноверца.

Здесь много воздуха,
и свет
Со всех сторон сочится в сердце.

покупала кабальный заём.
И никто её
грязной ни разу не видел
и пьяной, и рваной –
в небогатом ходила,
зато не в чужом, а в своём.
Было время,
когда до последней копейки
всё нужное прожили.
Даже лошади местные
стали покорно и молча
сдыхать.

И тогда запрягалась она
вместо выбывшей лошади,
и весь мир содрогался:
мол, как же на Совести
можно пахать?!

А случалось и так,
что будили её среди ночи
намеренно,
в дверь ломились
и даже серьёзно пытались
убить.

Но бессмертною быть
ей судьбою
предписано-велено,
и она –
неубитая, вечная –

Здесь теперь гаражи, и ларьки,
и красивые бензоколонки,
только изредка, будто бы,
слышится в воздухе
сдавленный стон.

Или явится вдруг

ниоткуда
пугающей тенью старуха
и глазами безумными
строго и прямо
возьмётся смотреть,

и прохожие нервно теряют
рубли
и, конечно, присутствие духа,
и кого-то ночами преследует
Совесь,

как жуткая смерть.

1983 г.

ПАМЯТНИК В БЫВШЕМ РАЙЦЕНТРЕ

Немытых окон траурная жуть,
Дома без крыш, разбитые дороги,
И подбородком в гипсовую грудь
Стоит Ильич, обшарпанный,
но строгий.

Одна рука засунута в карман,
Другая в грязь показывает ловко.

За нищету, разруху и обман
Вождя давно простила Соколовка:
Не крошат хулиганы монумент,
А власти даже чинят его тело,
И с перепоя мающийся мент
Который год без денег и без дела.

Забывтое селение в лесу.
Дворы, дождями по уши залиты...

Я Ленину гвоздику принесу
И положу на каменные плиты.
Нам повезло, что мы не стали злей,
Пройдя заломы брошенного сада.
С гвоздикой осень будет веселей –
И всё у нас получится, как надо.

Тогда мы свято верили обману,
И с верой в романтическую ложь
В палатках вымерзала молодёжь.

Губили степь в стремлении нелепом
Америку подвинуть целиной.
Народ гордился собственной страной
И – становился в очередь за хлебом.

Живём, что называется, на гэ.
Согласно утверждённому закону
Мы превратили зону эСэНГэ
В огромную таможенную зону.

The page is framed by a double-line border. At each of the four corners, there is a decorative floral ornament. Each ornament consists of a central flower-like shape with three petals, from which three swirling lines extend outwards, creating a sense of movement and elegance.

Дар
негажнны

ПАСХА

Счастье, незамеченное нами,
Образы давно минувших лет.
Кофточка весёлая на маме,
И струится в окна чистый свет.
Крестит лоб соседка у порога,
На дворе шестидесятый год.
Люди от властей скрывали Бога:
Кто в душе, а кто-то – за комод.
Но в такие праздники, как Пасха,
Отступал в бессилии закон.
И глядела Богоматерь ласково
С чудом сохранившихся икон.
На столе раскрашенные яйца,
Хлебный запах вьётся у печи.
А ещё мне запрещали драться
И кидать собакам куличи.
Будто не грешившая ни разу,
По церквам святила их страна...
Доставали гости из-за пазух
Поллитровки красного вина.
Целовались, плакали и пели,
Вспомнив, кто войну, а кто арест.
Видимо, тогда я и поверил,
Что Христос воистину воскрес.

* * *

Умирал в палате солдат –
От уколов ломало тело.
Ярко лампочка в сотню ватт
Над его головой горела.
Нёс транзистор всякую дрянь –
Перестройка входила в моду.

За окошком – такая рань
И немного видать природу.
Видно леса кусок и пруд,
А вверху – облака белеют.

За тяжёлый солдатский труд
Он медаль имел к юбилею,
Да впервые за много лет
Отоварила дочь талоны...

А в аптеках лекарства нет,
И нигде не купить кальсоны.

За окошком жизнь хороша,
Только зря отменили водку.
Умирал солдат, не спеша,
Словно шёл занимать высотку.

* * *

По сути надо человеку мало:
Во-первых,
 чтоб жена не изменяла,
Потом – хоккей смотреть,
 придя с работы,
Ещё, конечно,
 с маслом есть блины...

И жил бы он без горя и заботы,
Когда б на свете не было войны.

* * *

Густая тень сосновых лапищ,
Да голоса различных птиц.

Как много есть у сельских кладбищ
Крестов без надписей и лиц,
А то и вовсе без ограды...

Под колокольный перезвон
Сюда приходят плакать бабы,
Неся в кошёлках самогон.

И часто можно видеть спину
Среди кладбищенской травы,
Где крест, объятия раскинув,
Приемлет исповедь вдовы.

И кажется, что добрый кто-то,
Витая в дебрях лопухов,
Крадёт из бабьего отчёта
Опасный перечень грехов.

САМАРКАНД

Очень грозен был и хмур
Вожь кочевников жестоких,
Но ремесленников многих
Пощадил Хромой Тимур
Для больших и важных дел:

В голубом пространстве лета
Он восьмое чудо света
В камне вырезать велел,
Чтобы радовался глаз –

Бирюзе в цветеньи вишен
Умилялся бы Всевышний
И завидовал Шираз.

Так небесные мечети
Появились на планете –

Дар нечаянный для нас!

* * *

Уже грядёт похолоданье
И тянет нордом от реки.
Вблизи старинных красных
зданий
Я голубя кормлю с руки.

Видать, когда-то был
обижен,
Раз клювом тычет невпопад.
Округлый глаз всё ближе,
ближе,
Всё настороженнее взгляд.

Он изучил меня вертляво
И дал оценку в тот же миг:
– Уйдёт –
и кончится халява!
А голубь к ней, увы, привык.

ШАХЕР-МАХЕР

А мне из эмиграции видней,
Какой в России нынче шахер-махер,
Кто стал у нас богаче, кто – бедней,
Кого послали, мягко скажем, на хер.

Так повелось: чем дальше, тем родней,
А если бабки есть – родней тем паче.
Не потому ли сердцу всё больней,
Душа скулит, а ночью даже плачет.
По новостям кошмары, как во сне:
Заложницы – беременные бабы.

В моей больной растерзанной стране
Лишь две беды – дебилы и арабы.

Сидит в Кремле какой-нибудь бандит
И Суд вершит уже на этом свете,
Он, если надо, город разбомбит,
А, если что, замочит в туалете.
Но ходит ненаказанный злодей –
За грех его религия в ответе.

Когда идёт охота на людей,
То больше всех страдают наши дети.

Чем круче, тем народу веселей –
В затылок дышит новый Чикатило,
И мне из эмиграции видней,
Какой гешефт Россия получила.

ОПА!

Всё напоказ:

Машины, деньги, жопы –
Мы лижем зад у бабушки Европы
И, западный примеривая опыт,
Заимствуем убийства на заказ.

Ели! Пили! Бабок накосили!

Приезжайте погостить –
Мы живём в России.

Кругом террор:

Менты, бандиты, Дума –
Кому-то власть и кругленькая сумма,
А кто-то, побираясь возле ЦУМа,
Себя загнал в пожизненный позор.

Опа! Опа! Америка – Европа!

Мы им возим лес и газ,
А они ругают нас.

Везде дурдом:

Алтыны, гривны, «зайцы» –
Пока мы растопыриваем пальцы,
Дербанят олигархи и китайцы
Страну, как блюдо с жирным пирогом.

Ели! Пили! Бабок накосили!
Приезжайте погостить –
Мы живём в России.

Сплошной обман:
Война, реформы, пресса –
И честно жить нет больше интереса,
Поскольку государственный агрессор
Бесцеремонно лезет в мой карман.

Опа! Опа! Америка – Европа!
Мы им возим лес и газ,
А они ругают нас.

Всегда бардак:
Спиртное, бляди, лохи –
Дела традиционно очень плохи,
И после каждой сгинувшей эпохи
Мы видим, что правитель был мудак.

Ели! Пили! Бабок накосили!
Приезжайте погостить –
Мы живём в России.

НЕ ПОЙМАННЫЙ – НЕ ВОР

Допустим, вы чего-нибудь украли
И потихоньку спрятались в оффшор.
До той поры, пока вас не поймали,
Вы будете: не пойманный – не вор.

Допустим, вам партнер не нужен в деле,
И кто-то вдруг погасит взор.
До той поры, пока в тюрьму не сели,
Вы будете: не пойманный – не вор.

Допустим, вы не платите налоги,
И финагент за вами, как танцор.
До той поры, пока суды не строги,
Вы будете: не пойманный – не вор.

Допустим, вас избрали в депутаты,
И мордобой теперь – не перебор.
До той поры, пока в ходу дебаты,
Вы будете: не пойманный – не вор.

Допустим, вы уже не местный даже –
В том плане, что махнули за бугор.
До той поры, пока такая лажа,
Вы будете: не пойманный – не вор.

Чётные
цветы

С. ЕСЕНИНУ

В который раз никто не виноват –
Мол, сам себя назначил к высшей мере.

Но пролетарской власти раввинат
Уже прибрал чернила в «Англетере»,
И в Совнаркоме будущий палач
Уже ткнул пальцем
в русское крестьянство...

Страна моя, в тебе то гнев, то плач,
Нередко превращающийся в пьянство.

Мой дед, бывая пьяный в драбаган,
Мог запросто мента по харе смазать.
Прости меня, рязанский хулиган,
За то, что дед не смог тебя отмазать.
Его потом в концлагере убил
Один из новоявленных мамаев...

И всё же я до боли полюбил
Страну воров, рабов и негодяев,
Которая, однако, хороша
Хотя бы тем, что песнями воспета.

И если есть у Родины душа, –
Она живёт в творениях поэта.

Н. РУБЦОВУ

Ведьма плакала в глуши,
Пела жалобно.
Эх, для ведьминой души
Горя надобно!

Коротала нечисть век,
Словно в омуте.
Разрешил ей человек
Плакать в комнате.

И, свернув колечком хвост,
Чёрта празднуя,
Выла ночью на погост –
Безобразная.

Во крещенье холода –
Треск берёзовый.
Ой, беда моя, беда!
Слёзы звёздами.

Радиола гасит крик
Темой заданной.
У поэта трезвый лик
В рамке траурной.

До сих пор не тает лёд
От предательства.
Ведьма скачет и поёт
По издательствам.

Который дом наш от «заразы»
Избавит выстрелом в упор.

Судить конкретно не берусь,
Откуда в нас к пророкам злоба.
Святой когда-то звали Русь
(Теперь навряд ли назовём).
Пророка – с номером, без гроба –
Зарыли в омский чернозём,
А попросту – втоптали в грязь,
Что, собственно, поэт предвидел:
«... Душа, паскудно матерясь»
(Но так, чтоб слышали верхи),
Ушла к себе в небесный выдел
Его замаливать грехи.

Я тоже, в общем-то, не свят,
А всё ж скажу тебе, Россия,
Не отводя при этом взгляд:
– Прими как вызов или блажь,
Но если явится Мессия –
Ты в вырезвитель его сдашь.

И. ТАЛЬКОВУ

В Москве пылали купола –
Горела солнечная осень.
 Не затушить.
Листва под золото была,
Но кто-то взял, окурок бросил...
 Хотелось жить.
Ушёл тринадцатый вагон:
Давно распроданы билеты.
 И Питер звал.
А в Петербург он был влюблён,
Как все российские поэты.
 Убийца ждал.
Лежал в кармане пистолет,
И пахло в воздухе скандалом.
 На сердце грусть.
Необычайно яркий свет
Вдруг вспыхнул
 над концертным залом –
 Завыла Русь.
Рубаха кровью зацвела,
Как на октябрьских открытках
 Советский флаг.
И отразили зеркала
Немой вопрос
 в глазах открытых:
«А кто же враг?»

М. КРУГУ

«Так же весело шуршит в саду листва»,
И до осени так хочется дожить!
Ну, какие для тебя найти слова,
Если голос мой предательски дрожит.
«Дым из пепельницы тлевших сигарет» –
До сих пор в глазах и в горле
горький дым.

Вот и всё.

Ушёл ещё один поэт,
Как положено в России –
молодым.

Не гулять уже в «Лазурном»,
не гулять,

И не станет голова твоя бела.
Будет песен чисто русских не хватать,
Будут плакать по тебе колокола.
И не раз ещё тоска проколет грудь,
И почувствую, как болен я и слаб.
Провожала тебя Тверь
в последний путь,
Будто сына собирала на этап.
Твоей фени удивительную вязь
Полюбили и блатные, и менты...
Фотография,
кладбищенская грязь
И с росой на стеблях чётные цветы.

Деревянные
столы

* * *

Снится мне опять и опять:

Под негромкую песню волчью
Злые люди хотят распять
На кресте моё тело ночью.

И несу я в последний путь
Бремя из деревянных брусьев.
На губах – слабым вскриком жуть,
А в глазах – беспредел над Русью.

Мне б икону поцеловать,
Но её кто-то в ризы прячет,
И совсем как родная мать
Богородица рядом плачет;

Ветер с поля вьёт ледяной,
Неприятно каркает птица –
За широкой моей спиной
Люди скрыли от Бога лица.

А я падаю вновь и вновь,
Обдирая о камни ноги.

Лижут волки на ранах кровь,
И становится легче вроде –
Даже плечи не так болят...

И тогда говорю Мадонне:
Пусть откроет аховый взгляд
Тот, кто мне разобьёт ладони.

Отвечает Святая:

Что ж,

оглянись –

И возникла рожа.

Много видел я в жизни рож,

И такая встречалась тоже,

Но когда разглядел её,

Божий мир прекратил движенье –

На меня смотрело моё

Чуть смущённое отраженье.

КРЕЩЕНИЕ

Прорубили крест во льду,
Освятили это место.
Как на суд к нему иду –
Без конвоя и ареста.

В тёмном зеркале воды
Оживают чьи-то тени.
Холод. Снег. Мои следы.
Деревянные ступени...

Помяни, святая Русь,
Если что меня во святцах!

Постою и помолюсь,
Прежде чем в Ишим спускаться.
Эх, крещёная вода,
Жить бы с нервами стальными!

Тонут в омуте беда
И грехи мои шальные.
Батюшка вершит обряд,
Как положено по сану.

Я теперь почти что свят,
Но любить не перестану.

* * *

Господи, Твоя воля,
Сколько на мне греха!

Выпала в жизни доля
Уж чересчур лиха.
Рано виски седели
От невесёлых дум.
Поздно на самом деле
Взяться решил за ум.

Так вот живу и маюсь –
Топаю прямо в ад.

Каюсь, Господи, каюсь,
Ежели виноват.
Я бы заплакал даже,
Но не хватает слёз.

Мысли мои – как сажа,
Помыслы – как Христос.

крестом осень,
к Вечной Свечке
крылато поднёс –
сквозь пламя живое
и,
мне показалось,
тревожное,
увидел я чистые капельки
искренних слёз.
В душе,
что была в тот момент
на руках Иисуса,
чуть вздрогнуло сердце
и стало тихонько стучать.
Вздохнули апостолы
сдержанно, свято,
но –
грустно;
в зрачках зарябил
то ли дым от Свечи,
то ли чад.
Ресницы взлетели отчаянно,
вспомнив о боли.
Явился твой образ,
но как бы из пены морской.
Потом я увидел
громадное жёлтое поле,

* * *

Я жёг мосты.
Окрашивались дали
Кроваво, как положено беде.
Я жёг мосты.
А люди и не знали –
Их лодки мирно плыли по воде.
На вечность курс нацелила планета,
Вершило солнце свой круговорот.
Стояла осень в городе...
А где-то
Сожжён был мост
Длиной в счастливый год.
Я жёг мосты.
Зима рыдала снегом,
Боль сердца с губ выдавливала стон.
Я жёг мосты.
А за мостами следом
Я душу рвал ударом в сотни тонн.
Весна влетела к нам зелёной птицей
И запахом девичьих русых кос.
Ты прибежала к берегу мириться,
Но догорал уже последний мост.

ВСТРЕЧА

Мы пили вермут при свечах,
И шторы скрадывали звуки.
Лежали маленькие руки,
Как эполеты на плечах.

Живой луны неяркий свет
Касался пальцев невесомо,
Звучала музыка шансона
Из глубины ушедших лет.

Дым недешёвых папирос,
Шелка, струящиеся в кресле, –
И вместе с музыкой воскресли
Из памяти бутоны роз.

Игрой рубинов ледяных
С шипов срывались капли крови –

Капризно вытянулись брови,
Глаза из-под волос льняных
Мне всё сказали:
– Он не ты –
Тебя татуировки старят;
Колючки девушкам не дарят!

И в ноги брошены цветы.

Я стебли тонкие собрал,
Нисколько взгляду не поверив.

Разлуку вечностью измерив,
Любви к тебе не растерял,
Не опустил, не зачах...

Благодаря случайной встрече
Мы на двоих делили вечер
И пили вермут при свечах.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Лошадь рада солнечному спектру,
А ящик немного подшофе.
Я по Вознесенскому проспекту
Еду мимо парка и кафе.
Цокают подковами копыта,
Полдень петропавловский красив.
И плывёт над городом забытый
Старомодный песенный мотив:

«Крутится, вертится шарф голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится – хочет упасть.
Кавалер барышню хочет украсть».

Мне сегодня грех вина не выпить,
Значит, загляну в «Славянский двор».
Заодно бы девушку похитить,
Только я гуляка, а не вор.
И глядит вослед хмельная дама –
Бабочка, летящая на свет.
Возле католического храма
Шлю монашкам пламенный привет:

«Крутится, вертится шарф голубой,
Крутится, вертится над головой,

Крутится, вертится – хочет упасть.
Кавалер барышню хочет украсть».

«Каберне» взамен сердечных капель
Пью напропалую с ямщиком,
А шашлычник Саня, мой приятель,
Манит в гости классным шашлыком.
Вот и наступило бабье лето
И судьбу украсило мою.
Даже если песня кем-то спета,
Я её по-своему пою:

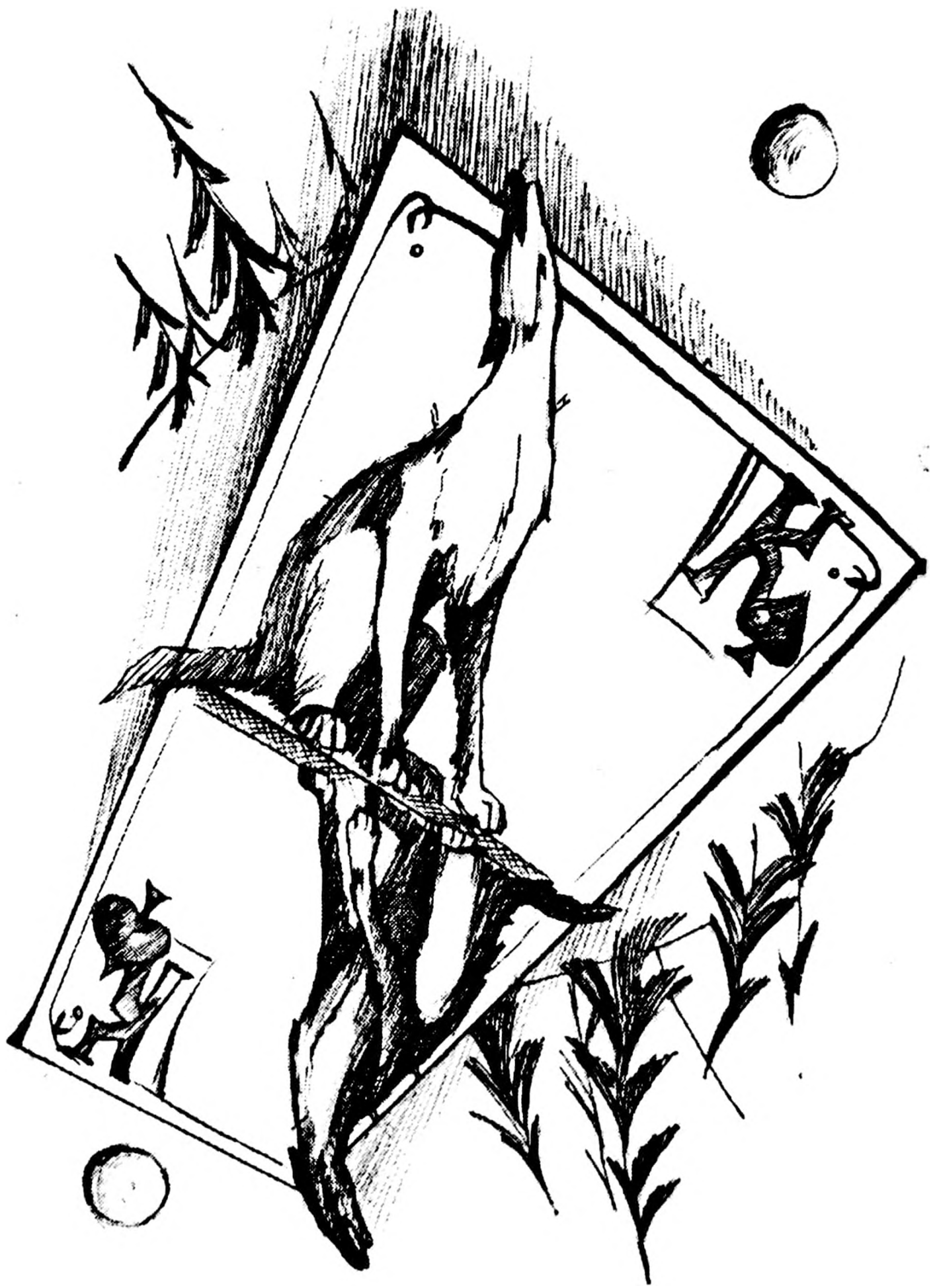
«Крутится, вертится шарф голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится – хочет упасть.
Кавалер барышню хочет украсть».

Чёртов
Камея

* * *

Храни, Россия, свой пресветлый лик!
Не первый раз пытается мясник
С ухмылкой омерзительной на роже
Его укрыть кровавою рогожей,
Чтоб не смотреть в раскосые глаза,
Когда захочет бить кувалдой в темя.

Придет ещё, родная, твоё время,
И кое-кто ответит за базар.

Не дай себя поставить на ножи,
Тем более не дай запачкать имя.
Достойно чашу горечи испей –
Терзал тебя когда-то красный змей,
И много раз опаивали ядом.
Теперь другие змеи и ужи
Под пристальным и неусыпным
взглядом
Сосут твоё надрезанное вымя.

Храни тебя Господь от зла и бед.

В душе собрав оставшиеся силы,
Готов и я, как мой сибирский дед,
Твоих врагов насаживать на вилы.

БЕДА

*И стало слышно, как над крышей
Тоскливо воют провода...*

Н. Рубцов

Тоскливо воют провода
Над занесённой снегом крышей.

В мой дом опять пришла беда,
И я её движенья слышу.
Она одета, как палач,
По странной, непонятной моде,
И разговор похож на плач,
А в остальном – обычна вроде,
И выпить, в общем-то, не прочь,
Поговорить о чём-то личном...
В глазах пустых застыла ночь,
И взгляд не кажется приличным.

Что делать? Я беду впустил,
Но нет в душе ни капли злости,
Да и самих душевных сил
Я не сберёг для этой гостьи.
Она же в грудь мне ткнула перст,
Как будто вдруг нашла потерю.

И вздрогнул под рубахой крест,
И гулко ветер хлопнул дверью.

* * *

Когда нет помощи окрест,
И мир качается над бездной,
Хранят меня нательный крест
И светлый ангел мой небесный.

В игре жестокой пьяных драк
За мной в упор следили черти.
Не раз уже случилось так –
Я был на волосок от смерти.
И в ситуации, когда
Казалось – торжествует лихо,
Нестрашной виделась беда,
А жизнь подсказывала выход.

И даже если долго пил,
Являлось Доброе, Святое –
Давало мне набраться сил
И выводило из запоя.

ЛИХУЛА

**Накануне 60-летия Великой Победы
в эстонском городке Лихула был по-
ставлен памятник эсэсовцам.**

*(Из сообщений средств массовой
информации)*

Давным-давно окончена война,
Но у фашизма до сих пор агония –
Прибалтика величием больна
И пуше всех, по-моему, Эстония.

Кого уж там за яйца дёрнул бес,
Не разглядят, наверно, даже зрячие:
Нацистам из дивизии эСэС
Мемориал эстонцы запиздячили –
Горит на камне праздничная медь,
Венок украшен лентой и магнолией...

Да это как же надо охуеть,
Чтоб, не таясь, глумиться над историей!

Не понимаю маленьких европ
И граждан городишек типа Лихула –
Ведь если заведётся в доме клоп,
Иль ненароком выступит везикула,

Нам кровососа трудно не убить,
А сыпь идём лечить у дерматолога.

Не очень эстетично, может быть,
Зато надёжно и совсем недорого.

ПРЕДЪЯВА

Когда в Москве латышские стрелки
Штыками утверждали диктатуру,
Крутые дядьки, сдвинув котелки,
Рванули в заграничную культуру.

Никто не думал ехать насовсем,
И поглупей причаливали ближе,
Да повезло, само собой, не всем –
Иначе тесно было бы в Париже.

А в Латвии, Эстонии, Литве
Нашлись места для русского изгоя,
Но тамошней коричневой братве
Такие фишки хуже геморроя.

К тому же пролетарии всех стран
Оттяпали у немцев пол-Европы...

Прибалтика решила на таран
И россиян задвинула в окопы –
Неграждане уже они теперь,
Их можно и на голод, и на стужу.

В груди моей ворочается зверь
И просится куда-нибудь наружу.

Я предъявить имею латышам
И прочим от фашиствующей власти:
Не будем накалять, в натуре, страсти,
Пойдём и побазарим по душам.

За мной стоят Россия и народ,
Который не пугнёте правом птичьим.
Не трожьте наших, НАТО вашим в рот,
Не то на вас Анпилова накличем.

* * *

Так бывает: пригрезится мне,
И натуру в себе вижу волчью,
И тогда при ушербной луне
Поразбойничать хочется ночью –
В кулаке зажимая кистень,
Выйти в степь на большую дорогу...

Чья-то страшная чёрная тень
К моему зачастила порогу.
Притаится, паскуда, в углу
И безмолвием медленно душит.

В кайф кому-то сажать на иглу
Наши чистые русские души,
Трогать их похотливой рукой,
Безнаказанно шлёпать по жопе...

Век достался мне очень лихой
С метастазами войн и утопий –
Жизнь по капле в канаву стекла,
Словно ей перерезали горло.

На гранёном изломе стекла
Отразилась звериная морда.

ЧЁРТОВ КАМЕНЬ

Непогода укрылась в рамень,
Заблудилась в сосновых стволах.
Над верхушками – Чёртов Камень,
Далеко не простая скала.
Что-то манит сюда и манит
В обомшелую мрачную высь,
Где порой сквозь иголки глянет
Мне в лицо желтоглазая рысь,
Или, хлопая шумно, филин
Пролетит надо мной, словно рок.

Лес на запад почти не спилен,
Зато выпилен весь на восток.

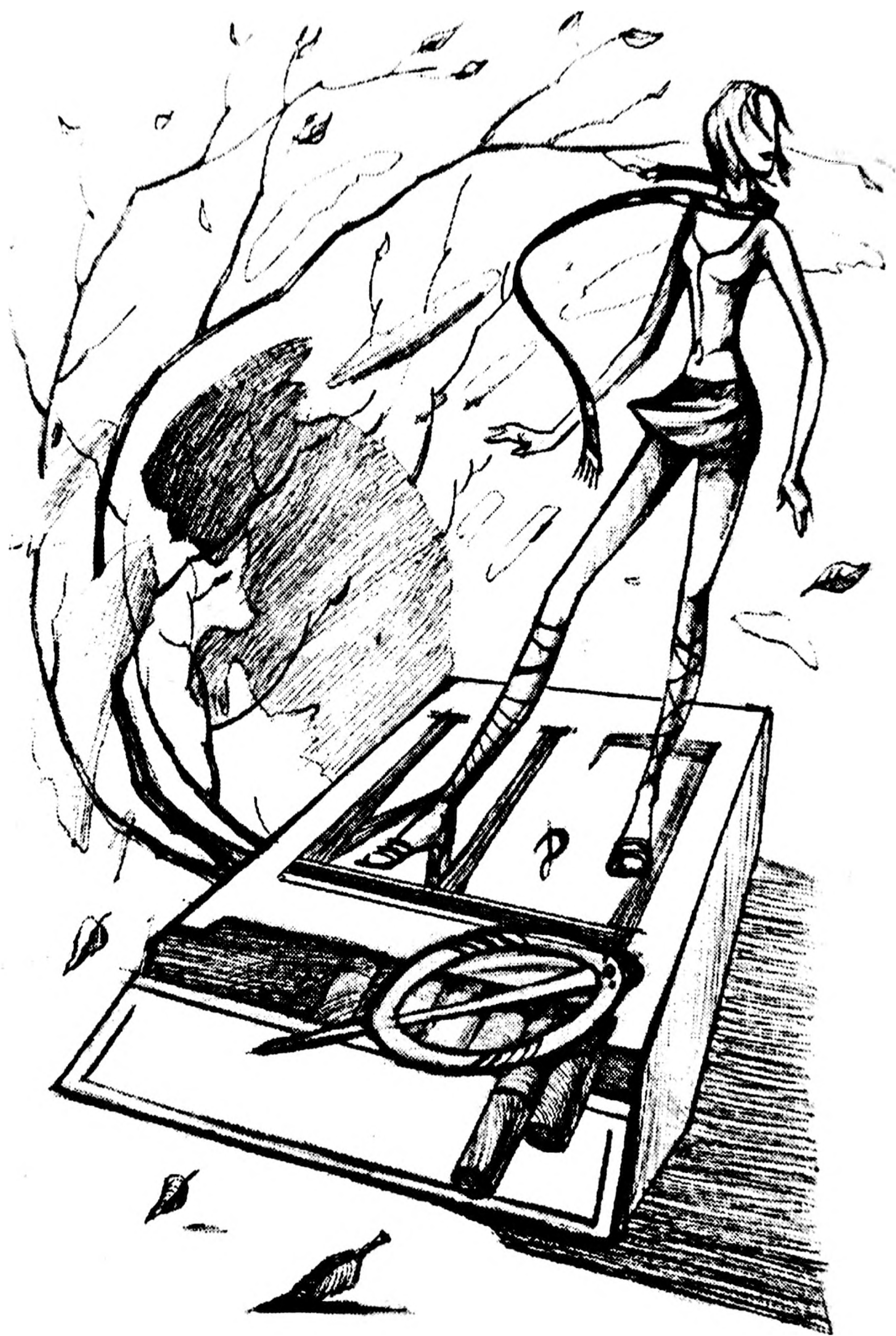
Всякой власти уже не веря,
Навидавшись и горя, и слёз,
Я боюсь превратиться в зверя
И уйти от людей на утёс.
А остаться не так уж просто –
Искушает мне душу бес.

И живу я с занозой острой,
Пропадаю, как спиленный лес.

Понятница

ТРАКТАТ О МУХАХ

Мухи появляются лишь в том случае,
если имеется ряд объективных причин
и причиннок,

а именно:

плесень,
разъедающая гниль
и воздух вонючий,
что способствует
созданию оптимальных условий
для развивающихся личинок.

Когда личинки

становятся собственно мухами,
к сожалению,

не может увидеть ни один,
даже самый зоркий –
прокурорский! –
глаз.

Но мухи

долго не живут с пустыми брюхами,
им надо питаться обильно каждый день,
да ещё по нескольку раз,
и потому они начинают облёт
сначала той территории,
где впервые увидели свет.

В это время их можно легко распознать
по весьма характерному жужжанию,

и только потом
последовательно и методично
уничтожать мух и личинок,
но не поодиночке, а, конечно же,
организованными группами.
Для этого в стране есть все предпосылки
и уже сегодня придуманы отличные
и эффективные
меры и средства,
которые остаётся только
достаточно умело применить на практике.
Но если мы распылим силы,
то мухи вполне могут превратиться
в национальное бедствие, чего нам
на настоящем этапе
ни в коем случае нельзя допустить.

1986 г.

ГРУБИЯН

Я с девками порой общался грубо
И с женщинами был отчасти груб,
Но так любил, что заворачивалась шуба
До самых до фаллопиевых труб.

Нет, из любви не нужно делать драмы –
И без того хватает в жизни драм.
Ну, например, непривлекательные дамы
Бывают лучше супермодных дам.

Девчонки мне дарили хризантемы –
Какой же запах тел без хризантем!
Не потому ли я для каждой новой темы
Выискивал сюжет запретных тем.

Ах, сколько шелестело рядом юбок –
Другой бы кто их взял и сосчитал.
Увы, для девушек не всякий мой поступок
Приятной неожиданностью стал.

Когда-нибудь и я уйду со сцены –
Косая подмигнёт из-за кулис.
Но даже если на старух поднимут цены,
Я ляпну ей:
– Пошла ты на хер, мисс!

НЕХОРОШЕЕ СЛОВО

По вечерам, когда все кошки серы,
И фонари мерцают не везде,
Дыша теплом кабацкой атмосферы,
Сидит одна, как уточка в гнезде.

Ресторанная блядь –
Нехорошее слово.
Впрочем, что здесь такого –
Ресторанная блядь.

Ей господин закажет море водки
И пригласит нетрезвую на вальс.
Она пойдёт и выставит колготки,
Чтоб соблазнить кого-нибудь из нас.

Ресторанная блядь –
Нехорошее слово.
Впрочем, что здесь такого –
Ресторанная блядь.

А мы торчим, пуская в чашки слюни,
И разливаем пиво на столе.
Но час пройдёт – на шлюху кто-то клонет
И увезёт в роскошном «Шевроле».

Ресторанная блядь –
Нехорошее слово.
Впрочем, что здесь такого –
Ресторанная блядь.

Никто её, конечно, не осудит,
Никто не скажет, что жила не так.
Лишь чья-то мать плеватьса долго будет
И проклинать шалаву и кабак.

Ресторанная блядь –
Нехорошее слово.
Впрочем, что здесь такого –
Ресторанная блядь.

ПОПУТЧИЦА

Невероятная история со счастливым концом

Как-то довелось мне добираться автостопом из Москвы в Петербург. Сейчас уже не помню, когда это было, а вот погоду помню – мерзкая была погода, сырая. Иногда кажется, что ранняя весна, а порой почему-то уверен, что затяжная осень.

Да что я всё о погоде. Погода тут вовсе ни причём, просто запомнилась слякоть и морозящий дождь, попутного транспорта нет – вообще никакого нет, и только дурак в такую погоду просто так путешествовать соберётся.

Я это к тому, что застрял я в Вышнем Волочке, торчу на автовокзале, скучаю и от скуки забрёл в буфет. А буфеты вокзальные, сами знаете, – располагают взять пива или водочки, лучше, конечно, водочки, и под какую-нибудь закуску сидеть и рассматривать вблизи вокзальную заполошную жизнь.

После третьей или даже четвёртой рюмки, тоже не помню точно, подсел ко мне за столик ничем не примечательный гражданин, и мы заскучали вдвоём. Постепенно разговорились, захмелели и стали рассказывать друг другу разные невероятные истории, которых в жизни любого уважающего себя мужика наберётся не один десяток.

Ну, поговорили о работе, выпившие русские люди всегда о работе любят что-нибудь эдакое завернуть,

потом плавно перешли на баб – тут тоже традиция, не нами придумана, но нам, мужикам, нравится. От баб, не помню, кто начал, перескочили на высшие сферы, и я погнал в том плане, что у каждого человека должна быть в жизни мечта. Говорил я долго и, как мне казалось, убедительно. Гражданин вроде слушал внимательно, но под конец замахал на меня руками, умоляя выслушать его, потому что он точно знает – не всегда, когда исполняются желания, приходит счастье. «Да как же так?» – «А вот такую». – И мы, не сговариваясь, выпили.

Чего я там молол, я, конечно, сейчас не помню, а вот его рассказ почему-то решил записать на диктофон. Может быть, потому решил, что гражданин предупредил меня сразу, что такого я ещё не слышал и наверняка не поверю, но это уж, как говорится, мои проблемы. И ещё, наверное, повлияло, что гражданин честно признался: я, говорит, уже лет десять параллельно разных пассажиров вожу, потому как жить на что-то надо, всякое повидал, но такое... Мол, иногда начну вспоминать, и сам себе не верю, а ведь всё это случилось на самом деле.

Да чего я всё вокруг да около. Вот как дело было.

1

Бывают женщины-приманки –
Стоят ночами у дорог..
Включаю противотуманки
И вижу пару стройных ног.

Снег мельтешит и всё такое,
И дома ждут меня дела.
Проехать мимо мог легко я,
Но, впрочем, девушка мила,
И даже очень симпатична.
Я моментально сбросил газ
И ей сказал вполне прилично:
– Я подвезти желаю Вас.

2

Гудит мотор, тепло в салоне,
Искрятся капли в волосах,
Как бриллианты на короне...
Ой, не попасть бы мне впросак.
Опять же истины открылись,
Я в этом кое-что секу –
Не зря гаишники приснились
Вчера с похмелья свояку,
А теще днём ломало спину
И набок вывернуло рот.
Короче так – жену подвину,
Пусть оформляет на развод.

3

Она, конечно, возмутится
И обязательно всплакнёт...
Но что за бред – моя девица
Сидит и тает, словно лёд,
И говорит почти неслышно:
– Позволь тебе задать вопрос, –

И вдруг я понял – едет крыша,
Причём, не в шутку, а всерьёз.
В красивой шапочке из пуха
(Теперь таких в продаже нет)
В машине ехала старуха
Под девяносто с лишним лет.

4

Я обмер весь, души не чаю,
Смотрю, а бабка в неглиже.
Но всё же твёрдо отвечаю:
– Я весь внимание уже.
– Когда исчезнет моё тело,
А вместе с ним и внешний вид, –
Тут пассажирка захрипела
И хрипло дальше говорит:
– Готов ли ты на мне жениться
И быть со мною до конца? –
И не успел я удивиться,
Гляжу, а бабка без лица.

5

Какая-то абракадабра
И вообще всё это чушь.
Но говорю старухе храбро:
– И чей тогда я стану муж?
Ну, в смысле, как я буду трогать
Жену за мягкие места? –
Почти нечаянно мой локоть
Её коснулся. Пустота

И мёртвый холод, как из бездны,
Ко мне за пазуху проник.
Да если был бы я железный,
И то б не выдержал и сник!

6

В недоумении великом
Трясу тяжёлой головой
И, наконец, срываюсь криком:
– Я не железный! Я – живой!
Куда ведёт меня кривая,
За что калечит мне судьбу?!
– Я тоже, в общем-то, живая –
В машине еду, не в гробу, –
Из кучи шмоток слышу голос
И резко жму на тормоза.
В стекле зеркальном русый волос
Упал на синие глаза.

Я как раз минералку пил и, вот не сойти мне с места, если вру, самым неестественным образом поперхнулся. Гражданин недовольно покосился в мою сторону: «Вы чё?» – «Да поперхнулся, так её перетак». – «Вижу, а чё поперхнулись-то?» – «Так ведь мистика какая-то, – я покрутил в воздухе растопыренной ладонью. – Метаморфоза!»

Собеседник хмыкнул: «Согласен, натуральная мистика, а главное – никакой логики». – «Абсолютно никакой», – подтвердил я. – «Ну, тогда наливайте».

Я налил до краёв, некоторое время мы оба помолчали, потом поочерёдно, выдохнув громко, выпили. Хорошо помню, как незнакомец крикнул, после чего запил минералкой.

Мы закурили, и я стал развивать мысль о том, что, конечно, бывают в жизни моменты, когда хочется плюнуть на всё и развестись, и вообще укатить куда-нибудь к чёрту на кулички с молодой и красивой тёлкой, но где гарантия, что эта тёлка завтра не станет такой стервой, по сравнению с которой бывшие жена и тёща покажутся снегурочками.

Гражданин одобрительно покивал в мою сторону, мол, само собой, такой гарантии никто не даст. А касательно мистики – тут он был категоричен: «Вот Вы в НЛО верите?» – Растерявшись, я, помню, промычал что-то нечленораздельное и для убедительности опять покрутил перед его носом ладошкой и даже шевелил при этом полусогнутыми пальцами. «Во! – обрадовался гражданин. – Хотя и не встречали в натуре ни НЛО, ни даже полтергейста?» – «Не встречал», – вынужден был признаться я. «То-то и оно, – задумчиво произнёс сосед. – А ведь здесь не какая-нибудь барабашка, а самая что ни на есть обыкновенная баба, и с ей, бабой, такие метаморфозы случаются, что не захочешь, да поверишь».

Помню, я представил себе ночь, машину, русоволосую девушку и загадочные синие глаза, на мгновение отразившиеся в зеркале заднего вида, или

даже в ветровом стекле, допускаю, но старуха, старуха, чёрт бы её побрал...

«Да, кстати, какой взгляд был у отражения – молодой или старый?» – «А я и сам не пойму». – Гражданин развёл руками и стал рассказывать дальше:

7

Заворожённый этим взглядом,
В себя прийти пытаюсь я,
А на сиденье, справа, рядом,
Детали женского белья.
Прикольный вышел детективчик,
Как приключенческий роман.
Заколку, трусики и лифчик
Я положил в грудной карман.
Пусть ухмыляются невежды,
Мол, что-то всё же здесь не то,
Но пассажиркины одежды
Исчезли напрочь из авто.

8

А время позднее. Машину
В гараж паркую, с толку сбит.
Такое чувство, будто мину
Несу взорвать семейный быт.
Подобно мрачному шахиду,
Готов с опасностью дружить –
Пошёл в попы, так панихиду
Теперь приходится служить.

Звоню в квартиру с мордой глупой,
Асфальта грязного серей.
Жена с кастрюлей из-под супа
Меня встречает у дверей.

9

И говорит с угрозой скрытой,
Как будто я ей первый враг:
– Ну что, козлина неумытый,
Всё сам расскажешь, или как? –
Следы от слёз покрыты пудрой
И тапки старые мои...
– Тебя в компании с лахудрой
Знакомый видел из ГАИ.
Готова я к любому горю
И правду горькую приму.
– Ну да, подвёз одну, не спорю,
Но вот до куда – не пойму.

10

Плюс ко всему не заплатила,
А я таксую на износ.
Супруга мой пиджак схватила,
В карман и – трусиками в нос:
– Считай меня набитой дурой,
Но я за всё тебе воздам.
Произведён расчёт натурой! –
И – бац! – кастрюлей по мозгам:
– Спасибо, что, по крайней мере,
Не притащил заразу мне.

Твои манатки в шифоньере! –
И – бац! – кастрюлей по спине.

11

Конечно, было очень туго,
На сердце смертная тоска,
И долго в доме пятый угол
Безрезультатно я искал.
Что ж, ситуация знакома:
Стою в подъезде, как баран –
С позором выгнали из дома,
Вдогонку кинув чемодан.
Придётся жить пока что в тачке,
А тачка в тёплом гараже...
И тут я вспомнил о заначке,
И стало легче на душе.

На этом месте рассказчик вздохнул глубоко, обвёл отсутствующим взглядом буфетную публику, затем уставился в пластиковый стаканчик и надолго замолчал. Я почувствовал себя неловко, поёрзал, помню, на стуле, предложил ему сигарету – ноль эмоций! Видать, заново переживает случившееся. Тогда я решил подойти с другого боку и разлил оставшееся – точно помню, что вышло ровно по писярику на брата. Выпили. Стали закусывать какими-то деревянными пирожками.

Видать, на моей физиономии сомнение проявилось или другое что, не знаю. Только гражданин с обидой в голосе высказался прямо, что, мол, моё неверие

обижает его, хотя всё рассказанное сушая правда. «Не уважаете Вы меня», – твердил он дрожащим голосом. Пришлось прикупить ещё одну «Гжелку». Выпили. Я осторожно намекнул насчёт того, что про девицу готов поверить безоговорочно, про домашний скандал вообще нет вопросов, но старуха проклятая ни в какие ворота не лезет, тем более непонятно, почему она предлагала жениться на ней. Или гражданин мог в своих фантазиях углубиться в древность? «Мог, – согласился собеседник. – Только жениться, сами понимаете, на старухе не резон. Разве что на очень богатой старухе...» Ага, думаю, значит, всё-таки мыслишка была! Но, с другой стороны, жена официальная, тёща опять же. М-м-да, сплошной сканворд.

Однако хотелось бы услышать продолжение истории. «Тогда наливайте, – оживился гражданин. – И, пожалуйста, одно условие...» – «Какое?» – «Не перебивать». Я согласился. Выпили. Пожевали деревянный пирожок. «Так на чём я остановился?» – «На заначке».

Рассказчик удовлетворённо кивнул, закурил, выпустил замысловатое колечко и, пошарив по потолку грустными глазами, продолжил.

12

Ну кто из нас не прятал хитро
С полочки шкалик про запас.
Свои законные пол-литра
Я замахнул, как будто квас,

И, развалившись на сиденье,
Ругая все жён-гадюк,
Не уловил того мгновенья,
Когда ко мне явился глюк:
Опять красива безупречно,
В шелка закутана и мех,
Девушка смело и беспечно
Возникла рядом, словно грех.

13

Потрогал – вроде бы при теле,
Духами пахнет, ё моё.
– Да кто ты есть на самом деле?!
– А я желание твоё.
Она поправила колготки,
Маня округлостью колен.
– А если я желаю водки?
– И водка будет – нет проблем.
– Послушай, я ведь не мальчишка
Играть с тобою в ай лав ю.
– Зато, прикинь, какая фишка –
Я заменю тебе семью.

14

Исчезнут страхи и тревоги,
Ты станешь молод и умён.
Ну, посмотри, какие ноги!
– Но я ж ещё не разведён.
И у меня не хватит духу.
– Хочу услышать, почему?

– Ты превращаешься в старуху,
А мне старуха ни к чему.
– Такие странные мужчины!
Не угодить вам и любя.
Бываю старой – есть причины,
Здесь всё зависит от тебя.

15

Ты загадай, а я исполню
Практически любой каприз:
Карманы баксами наполню,
И круглосуточный стриптиз –
На кухне, в спальне, коридоре –
Везде готова услужить.
Но это что – зимой на море,
А летом в Альпах будем жить!
Тряхнёшь мощною по-российски,
С размахом, а не как-нибудь, –
Тугие, как колёса, сиськи
Уже давили мою грудь.

16

И я, прижавшись близко к телу,
Готов был слушать милый вздор.
– Давай, приступим прямо к делу –
Подпишем брачный договор, –
И ловко так из-под тесёмок
Она достала чистый лист,
Но, блин, внутри меня бесёнок
Ей возразил:

– А где юрист?
Дверные звякнули железки,
Открылся сам собой крючок,
И появился в лунном блеске
Какой-то странный старичок.

17

В широкополой чёрной шляпе,
Как будто взятой напрокат.
– Я доверяю только папе,
А он – известный адвокат.
– Ну, тоже мне нашла юриста!
Нет, не согласен.
– Отчего?
– Я, с точки зрения таксиста,
О нём не знаю ничего.
Возможно, выяснится вскоре:
Твой папа – бывший сутенёр.
Клянусь давлением в моторе –
Он жить не может без афёр.

Каюсь, нарушил я наш уговор, перебил рассказчика, а всё потому, что очень уж подозрителен показался мне старый хрен в шляпе. «Погоди, – я постучал зажигалкой по бутылке, – если у неё папа юрист, тогда мама кто?» Сосед замешкался, пожал плечами и махнул рукой, мол, наливай, раз такое дело. Выпили.

«Про маму, слава Богу, ничего плохого сказать не

могу. Вполне возможно, что мамаша её в принципе очень приличная женщина». – «Чего ж тогда она с юристом связалась, да ещё и дочку прижила?» – «Понятия не имею, но факт налицо».

Порассуждали попутно на тему неравных браков и единодушно решили, что наверняка эта девица была у адвоката поздним ребёнком. Помню, выпили за детей, и я спохватился: «Но дальше, дальше-то что?»

18

А между тем дедуля бодро
К нам просочился в «Жигули»
И, шляпу сняв, промолвил гордо:
– Для вас и только за рубли
Готов скрепить и узаконить
Любой фиктивный договор.
– Папаша твой, наверно, гонит –
Я не мошенник и не вор,
И, если что, могу прилюдно
Зарегистрировать свой брак.
Девица объяснила скудно,
Что папа здесь не просто так.

19

– Он должен выступить гарантом
Осуществления мечты.
– Я, может, сам блесну талантом:
Начну выращивать цветы,
Открою всюду центры «Фитнес»,

И обо мне пойдёт молва...
– Какая глупость. Весь твой бизнес –
Одни красивые слова.
– Живёшь неправильно и бедно, –
Старик настойчиво изрёк.
– А помечтать... Ну что ж, не вредно,
Но бедность всё-таки порок.

20

И дед, фальшиво улыбаясь,
Достал чернила и печать:
– Для вас, родимые, стараюсь,
А вы изволите кричать.
Вокруг живут чужие люди,
И время позднее уже.
– А я, выходит, хер на блюде,
Причём, в своём же гараже! –
Распсиховался не на шутку
Я поведением таким:
– Давай-ка, бать, лови маршрутку
И помещение покинь.

21

Иначе я поставлю точку
Вот этим гаечным ключом.
Бери печать, портфель и дочку, –
А сам тихонечко плечом
Отца с девицей жму к воротам:
– И шляпу тоже захвати!
Всё получилось, как по нотам:

Успели вовремя уйти
И раствориться в снегопаде
Два силуэта, ёшкин кот.
Рукой, испачканной в помаде,
Я облегчённо вытер пот.

22

Жена к утру меня простила,
Соорудила бутерброд
И даже в койку запустила;
У тёщи встал на место рот.
Опять таксую без патента –
Налоги нечем заплатить,
А эпизоды инцидента
Решили всей семьёй забыть,
Хотя забыть такое сложно;
Желаний много, но сейчас
Мечтаю очень осторожно –
Вдруг повезёт, неровен час.

Мой собеседник протянул узловатый палец и ткнул в кнопку диктофона. «Вот и вся история», – без тени улыбки сказал он. Но мне натурально показалось, что гражданин малость не договаривает. Я налил по стопарику, чокнулись, помню даже что-то навроде тоста у меня выскочило, типа «За баб!» – с удовольствием выпили.

В дальнейшем оба сидели задумавшись. Попытки выгудить ещё что-нибудь об этой чертовщине ни к чему

не приводили. А мне невтерпёж было узнать, являлась девица на его горизонте после этого или как? Но гражданин будто воды в рот набрал и больше ни о чём со мной не желал рассуждать. А тут и дождь перестал, в буфете посветлело, гражданин протянул мне ладонь, мол, прощай, дружище, приятно было пообщаться.

Я, кажется, вышел проводить его, да-да, точно вышел. Помню, на остановке, перед самой загрузкой в автобус, снова тяпнули на посошок, и я клятвенно убедил незнакомца в вечной дружбе, ну, тот растрогался и орал громко, что тоже меня с детства уважает. Другие пассажиры смотрели на нас лояльно и проводам не мешали.

Наконец, автобус тронулся, гражданин из окна машет, просит записать телефон и в гости приглашает, а у меня ни карандаша при себе, ни даже клочка бумаги. Кто-то из пассажиров, а кто – хоть убей! – не помню, подсунул мне шариковую авторучку, а гражданин кинул из окна пачку из-под сигарет – пиши, мол, на ней. Да куда там – пиши. Пока то, да сё – автобус и ушёл, даже номер не успел запомнить.

Стою я расстроенный, хочу закурить и ковыряюсь в пачке, чтоб, значит, сигарету достать. А вместо сигареты вдруг достаю женскую заколку. Обыкновенная заколка, ничего особенного, но шевельнулось нечто в душе, и приятно стало жить на свете.

До Петербурга я добрался благополучно, правда, лишь на третий день после памятной встречи, ну да это

и не так важно. Много на моём пути потом встречалось всяких людей, и чудики откровенные попадались, и дурагоны очумелые, но того гражданина я запомнил отдельно. Наверное, потому, что, когда пересказываю его невероятную историю, мне никто не верит, а зря. Заколка-то – вот она! Можете даже потрогать её, разрешаю. Ну что, убедились? То-то же, а говорите – мечта. Мечта – она тоже разная бывает, смотря о чём мечтать.

с. Бишкуль, Северо-Казахстанская область.

Май-июнь 2004 г.

* * *

А ты изменилась:

улыбка,

Но в ней отражается грусть.

И я не зову тебя «рыбкой»,

И больше к тебе не вернусь.

В душе безобразно рыдая,

Я пью самогонку и ёрш,

Прости, ты ещё молодая

И с кем-нибудь

счастье найдёшь.

Так вышло – поставлена точка,

Ты зла на меня не таи.

Целует любимая дочка

Небритые щёки мои,

В глазах её нету печали –

Полна оптимизма и сил...

Нас тёмные ночи венчали,

А солнечный свет разлучил.

Мурши,
мамина!

* * *

Я слышал печальные звоны,
Я видел разрушенный храм.
Стучали на стыках вагоны,
Зэка доставляя на БАМ.

Никто и не думал о льготах
В советской Сибири большой.
С покоцанной зоной душой
Тонула Россия в болотах
И ватники жгла у костров –
Ей голодно было и голо,
И даже последнее слово
Сказать умудрялась без слов.

Судили за всё понемногу:
За пьянку, за нож, за разбой...
На Суд она явится к Богу
Горбатой и чёрной избой.

АТЛЯНСКИЙ ВАЛЬС

На отрогах Миасских гор
Есть посёлок такой – Атлян:
Вдоль заборов цветёт бурьян,
А вокруг стеной хвойный бор.

Мальчишечьи взоры,
Атлянские зори,
Атлянские зори
Над синей тайгой.
Миасские горы,
Глухие заборы,
Глухие заборы
И пьяный конвой.

Малолеток со всей страны
На Атлян везёт воронок.
Здесь они отбывают срок,
И взрослеют здесь пацаны.

Мальчишечьи взоры,
Атлянские зори,
Атлянские зори
Над синей тайгой.
Миасские горы,
Глухие заборы,

Глухие заборы
И пьяный конвой.

Разлетаются – кто куда:
Кто-то лес валить в Магадан,
Кто-то медь копать в Джезказган,
А которые – в никуда.

Мальчишечьи взоры,
Атлянские зори,
Атлянские зори
Над синей тайгой.
Миасские горы,
Глухие заборы,
Глухие заборы
И пьяный конвой.

ВОРОБУШЕК

На решётку сел воробей –
Не хватает на воле крошек.

Не робей, браток, не робей –
В наших тюрьмах не держат кошек.
Разве только дубак вспугнёт,
Открывая засов железный,
Иль в больничке вдруг заорёт,
Умирая, зэка болезный.

А воробушек скок да скок –
Хорошо ему на свободе.
Его серенький лепенёк
Ладно шит по тюремной моде.
Вертит клювом туда-сюда,
Сбоку – вылитый мой подельник.

Мы с подельником ждём суда,
Нам назначен суд в понедельник.
А сегодня среда пока,
И сижу я, как птица, в клетке.

Мои будущие срока
Начинаются с малолетки.

* * *

У Толяна фикса из рондоли,
Брюки клёш и набок рыжий чуб.
И не хочет знать он лучшей доли,
Чем пойти потусоваться в клуб.

На ногах ботиночки со скрипом,
Сигаретка тонкая во рту.
Девки называют его типом
И улыбки дарят на лету.

Но ему нужна для жизни леди,
А таких пока в квартале нет.
Вся шпана и местные соседи
Признают его авторитет.

У Толяна финочка с набором,
Чтоб залётных строить фраеров.
– Правильным, наверно, станет вором, –
Говорят о нём среди воров.

Лишь страдают мать его и сёстры,
Чувствуя неправильный конец –
Где-то на тюрьме от бритвы острой
Сгинул в драке Толика отец.

ШТРАФНИК

Я тот, кто не пришёл живым из боя,
Никто не отмечает моих дат.
А память, сука, не даёт покоя...
Да, я штрафник. Но всё-таки солдат.
И зря в письме жене моей и сыну
Наш взводный некрасиво написал:
«Ваш муж убит немецкой пулей
в спину,
Когда он с поля боя отступал».
Ну что сказать, я честным был
солдатом.

И это не рисовка, и не жест.
Лишь как-то раз майору вякнул
матом,
И трибунал на мне поставил крест.
Я не боялся с голоду подохнуть
И пули не боялся, если в лоб.
Ни вскрикнуть не успев,
ни даже охнуть,
Я падал в неглубокий свой окоп.
Я не боялся выпрыгнуть на мину
И шёл в штыки, как ненормальный
псих,
Но страх сидел во мне за выстрел
в спину,
Который ожидаешь от своих.

Штрафбат, ребята, пострашнее зоны,
Где бытие похоже на обрыв.
Не в бой идут штрафные батальоны –
Они идут заткнуть собой прорыв.
Здесь нам в лицо стволы плюются
смертью,

И сзади воронёные стволы.
Мы для врага не воины, а черти,
А для своих – пропащие козлы.
За Родину я Богу душу выну,
За Сталина готов стоять горой...
Но кто-то свой стреляет в мою спину –
Я гибну как штрафник, а не герой.

ШТРИГЕЛЯ

На листах из школьной
тетради
Строки песен про лагеря...
В нерабочем первом отряде
Отбывают срок штригеля.
Тот похитил в колхозе вилы,
Этот бабку грозил убить.
Им теперь уже до могилы
Не судьба вину искупить.
И над каждым штригелем
кружит,
Словно гриф, родная страна.
На боках оловянных кружек
Нацарапаны имена:
Мол, попробуйте только
троньте –
Заработаете в пятак.
Штригеля
когда-то на фронте
Оборону держали так
И за Сталина, без базара,
На штыки бросались, хрипя...
Ночью доски на грубых
нарах,
Как больные кости скрипят.
А под нарами перед шмоном

Прячут зэки ножи у них.

Штригелей уважают

по зонам,

И менты не шмонают их.

* * *

Я полюбил постылый свой барак
От безысходности, а, может,
по привычке.

И разводящий мент уже не враг –
Мне даже очень симпатичны
его лычки.

Он иногда зовёт меня «сынок»
И угощает сигаретами
в знак дружбы.

Мы оба с ним отматываем срок –
Я по суду, а старшина
по долгу службы.

Когда в строю с поникшей головой
Иду с работы –
никого не замечаю.

Дубак приветствует:

– Ну что, домой?!

– Куда ж ещё-то, –

Обречённо отвечаю.

ПЕРЕСЫЛКА

Пересыльная тюрьма.
Можно проще – пересылка.
Не положена посылка,
И за окнами зима.

А на окнах жалюзи –
Небо в серую полоску.
Дай, начальник, папироску
И кичманом не грузи.

Я тебе не фраерок,
Чтобы лаять на икону.
По этапу завтра в зону
Ухожу на долгий срок.

Ждёт меня кедровый лес
Или шахта в Магадане.
Если есть хрусты в кармане,
Кинем шунт на интерес.

А ещё могу я спеть –
Пусть услышит пересылка,
Как мне пуля до затылка
Не успела долететь.

* * *

А я откинулся, в натуре,
Сказав хозяину – адью!
Прикиды чисто по фигуре,
Красиво ем и сладко пью,
Но утром твёрдую походкой,
Как положительный клиент,
Иду отметить в ментовку –
Себя несущий и документ.

Гуляй, братва, шурши, малина!
Душа и тело молодей.
Осталась жизни половина –
Её потрачу на блядей.

Пусть на столе танцуют шмары,
И возит шеф на БМВ.
Я никогда не буду старей,
Пока в лопатнике лавэ.
Конвоем битый-неубитый,
К ворам вернулся на сходняк.
Я пятерик оставил в крытой,
А остальное – особняк.

Звени, гитара, пой, гармошка!
Мне на свободе не в ломы.
Ведёт неровная дорожка
Меня от зоны до тюрьмы.

* * *

Мы с Вами, конечно, не пара,
Я Вам недоступно далёк.
Вы кушали только с базара,
А я экономил паёк.

Ваш папа ходил при погонах,
Имея награды и вес,
А я выгружал из вагонов
Поваленный зэками лес.

Отчизна давилась кубами,
На праздники пьяная вдрызг,
А я кровяными зубами
Еловые веточки грыз.

Вы были примерной девчонкой,
А я с малолетства врагом,
И больно меня по печёнке
Пинал конвоир сапогом.

Как выпью, так плачет гитара,
И в сердце бушует пожар:
Мы с Вами, конечно, не пара –
В стране таких множество пар.

Весна, как девка, дразнится
И нравится прохожим.
Любила старшеклассница
Меня, мужчину с прошлым.

Примерная отличница
И маменькина дочка,
А я опять откинулся,
Откинулся – и точка.

Небесное создание,
Такие вот приколы,
Назначило свидание
Почти у самой школы:
Идёт, стучит ботинками,
Несёт в портфеле ноты
И просит, чтоб с картинками
Травил ей анекдоты.

Примерная отличница
И маменькина дочка,
А я опять откинулся,
Откинулся – и точка.

Её мамаша давеча
Нам встретилась в аллее –

Я проканал за завуча,
О чём сейчас жалею.
Словами очень строгими
Она сказала смело:

– С такими педагогами
Я не пойду на дело.

НАКОЛОЧКА

Меня любила, ё моё,
Красивая девчоночка,
А у неё, а у неё
Под лифчиком наколочка.

Ты нитка, я – иголочка,
И счастье впереди.
Наколочка, наколочка
На девичьей груди.

Беда у каждого своя –
Завью печаль верёвочкой.
Сказали в цвет мои друзья,
Мол, спутался с воровочкой.

Ты нитка, я – иголочка,
И горе впереди.
Наколочка, наколочка
На девичьей груди.

Понравилась, видать, судье
Хорошенькая чёлочка,
И на суде, и на суде
Ей выпала пятёрочка.

Ты нитка, я – иголочка,
И зона впереди.

Наколочка, наколочка
На девичьей груди.

Подружка плачет о судьбе
И обнимает шконочку.
Когда откинется, себе
Я выколю иконочку.

Ты нитка, я – иголочка,
Свобода впереди.
Наколочка, наколочка
И на моей груди.

* * *

В Златоусте сиреневый вечер,
Тепловозный пронзительный крик –
На вокзале линейный диспетчер
Товарняк загоняет в тупик.

А у нас на тюрьме – всё, как прежде:
Баландёры тусуют пайки,
И пацан в полосатой одежде
Помышляет бежать из тайги.

Ему завтра этапом до Бийска
На какой-нибудь лесоповал.
Локоть, мать вашу, кажется близко,
А кусать – весь рукав изорвал,
Но уже ничего не исправишь,
Хорошо, хоть остался живой.

– Эх, сирень,
 что ж ты душу мне травишь,
Я такой же, как ты, молодой!
Меня так же, как ветку, сломали,
И теперь мне в букетах не цвести...

Златоуст – город камня и стали,
И тюрьма в этом городе есть.

Тренинги
души

БАЛЛАДА О КОЧЕГАРЕ

1

За котельной дорожка из клевера –
Звёзды бродят по ней налегке.

Он приехал с далёкого Севера
И прижился у нас в городке.
На груди телогреечки старенькой
Был когда-то пришит номерок..

Мы не ходим по комнатам в валенках,
А из крана бежит кипяток.
Не в пример забулдыгам и пьяницам
Кочегар даже пива не пьёт.

К дяде Коле и вдовушки тянутся,
И другой незамужний народ.
Принесут ему сала с картошечкой,
Говорят что-нибудь невпопад.

Он однажды мне выстругал ножичком
С круглым диском большой автомат.

И сказал после кашля натужного:
– Ты стволом осторожно владей –
Никогда не стреляй в безоружного,
А короче – не целься в людей.

2

На задворках цвела уголовщина,
А в котельной особый уют.
Приходила сюда безотцовщина
Кейфовать под физический труд.

Дядя Коля вручал, как сокровище,
Пацанам тяжеленный совок,
И в котёл, словно в глотку чудовища,
Загружали они уголёк.

Билось пламя огромной жар-птицею,
Вентилятор ревел, как борей.
Забывали мальчишки милицию
И нетрезвый кураж матерей.

И ладонью, совсем уж по-взрослому,
Прижимали к затылкам вихры.
Истопник потом самому рослому
Выделял на закрутку махры.

Улыбались чумазыми рожами
Кочегару устало мальцы –
На него были чем-то похожими
Не пришедшие с фронта отцы.

3

Видел я, как зимуют раки,
И жирует при власти кит.

Доживал в заводском бараке
Непутёвую жизнь инвалид:
Оплошала охрана в шахте –
И запомнился гул и стук.
Он остаток срока на вахте
Просидел без обеих рук.

Постепенно исчезла сила
Из почти неживых плетей.
Как умел, тюремный лепила
Две клешни скроил из культей.
А когда на свободу вышел,
Стали звать его Паша-рак...

От фундамента и до крыши
Промерзал в холода барак.

– На хрена мне такая воля, –
Плакал он.
– Лучше сяду, бля!

И носил ему дядя Коля
Из котельной куски угля.

4

Мужики не для дури похмельной,
Хотя мучил кого-то синдром,
Вечерами сидели в котельной
За кривым почерневшим столом –
Забивали «козла» и курили,
И плевали сквозь зубы в огонь.

Мужики специально не пили,
Чтоб губную послушать гармонию.

Дядя Коля играл вдохновенно
В самосадном и прочем дыму,
Вспоминая при этом, наверно,
Фронт, ранение, плен, Колыму,
Где хлебнулось родимого плена
Так, что будет икаться в гробу.

От игры чуть не лопалась вена
На измазанном сажею лбу.
И мужчины подолгу не дрались,
Обходясь на крайняк без ножей.

Очень жёны потом удивлялись
И молились на трезвых мужей.

5

Кто-то метко прозвал её бездной –
Огнедышашую эту печь.
В кочегарку тайком после съезда
Привезли книги Сталина жечь.
Их агенты нетрезвые в штатском
Заносили, мокры от дождя.

Мой отец чуть не сгинул под Братском,
Прикурив от портрета вождя –
Половинкой партийной газеты
При свидетелях чиркнул об тэн...

По котельной мелькают штиблеты,
Печь за дверцей гудит, как мартен.

Дяде Коле на выпивших лицах
Никакой не увиделся смысл.
«Вот возьмет, да и не загорится», –
Посетила шалавая мысль.
И повёз он эпоху на тачке,
Поправляя очки на ходу,

И горели неистово пачки,
Словно грешные души в аду.

* * *

Я не просто жил – я молчал,
Лишь на совесть свою кричал,

Отрывался, как мог, – сполна,
Матеря её с бодуна.

А потом – недостойный хам –
Шёл молиться в ближайший храм.

И пока мне от Бога везло,
Увеличилось в мире зло.

Взросла беда во сто крат –
Убивать пошёл брата брат.

Если где-то идёт война –
В этом есть и моя вина.

* * *

Меня назначили поэтом.

В парткоме умный секретарь
Примерно так сказал об этом:
– По-комсомольски правду жарь!
Клейми с трибуны стенгазеты
Прогулы, пьянство и дебош.

– Но существуют же запреты...

– А ты политику не трожь.
Пойми, в единстве наша сила,
Другой альтернативы нет.

И начал я писать красиво,
И стал доволен комитет.

Короче, приняли структурой,
Как стеклобаночку в ларёк.
И наравне с номенклатурой
Мне утвердили спецпаёк.

Но колбаса по красным датам
Стояла в горле, точно кость:
Все чаще я ходил поддатым,

К себе испытывая злость –
И негодяю, и холопу.

А секретарь меня достал.

И я сказал:
– Пошёл ты в жопу!
Но сочинять не перестал.

И как-то мы с друзьями пили,
Но были трезвые почти.
И вдруг ребята попросили:
– Своё нам что-нибудь прочти.
И долго я читал в пивнушке
Про жизнь мою и про грехи.

Друзья в ответ подняли кружки
И осушили:
– За стихи!

* * *

Христос воскресе!
Тёплый свет
Мне душу плачущую греет –
Она стихи писать умеет
И верит в правильность примет.

За всё моё ответу сам –
Не за себя прошу у Бога.
Хоры торжественно и строго
Возносят песни к небесам.

Христос воскресе!
Божий перст
Мне путь к спасенью указывает.
Душа Спасителя целует,
А губы – православный крест.

На протяжении веков
Блаженный молится Василий:
– Храни, Господь, мою Россию
От власть имущих дураков.

Я дал монетку побирушке,
Хотелось больше, но – увы.

Какой-нибудь незлой старушке
Медь в шапку сыпали и вы,
И мимоходом забывали,
Не тратя зря душевных сил.

Вы откупались от печали,
А я её себе купил.

За полустёртую копейку
Я приобрёл тоскливый взгляд,
Унылый сквер, а в нём – скамейку,
И люди старые сидят,
Как будто птицы в непогоду,
Уйдя в тепло воротников,
А проходящему народу
Плевать на этих стариков.

И если вдруг Беда и Немочь
Собою обозначат путь,
Горстями им кидайте мелочь –
Они вернут

когда-нибудь.

* * *

Ходит по городу нищий,
Показывает культ.
Руки, наверное, ищет,
Никак не может найти.

Сумку холщовую носит,
Кладёт в неё всякий хлам.
Медь у прохожих напросит –
Идёт помолиться в храм.

Купит дешёвеньких свечек
И что-то бубнит под нос.
Смотрит в покорные плечи
С иконостаса Христос.

Шлёт ему добрые вести,
А нищий, слушая звук,
Лоб свой задумчиво крестит
Крыльями выросших рук.

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ

...А зимой, когда русская печка
Завивает колечками дым,
Можно выйти и прямо с крылечка
Покатиться на санках в Ишим:
Толстый лёд аж звенит от мороза,
Снег летит белой выюгою в лоб.

Кстати, очень прикольная поза
Головой забодаться в сугроб!

И, как вызов коварной простуде,
В огородах села вечером
Обнажённые женские груди
Розовеют за банным окном.

Я однажды с девчатами в бане
Оказался – и чуть не утоп,
И с тех пор мои резвые сани
Изломались от девичьих поп.

Мы, мужчины, конечно же, блудни
Даже в самой преклонной поре.
Хороши деревенские будни,
Если пьян и зима на дворе!

* * *

Из крана капает вода,
А из моей судьбы года;
Всё у меня, как у людей –
Немного трачу на блядей,
На водку больше иногда...

Из крана капает вода.

Опять небрита борода,
И на исходе выходной,
А я сижу, как неродной,
Гляжу из кухни в никуда...

Из крана капает вода.

– Давай сантехника сюда! –
Кричу кому-то в телефон,
А в голове похмельный звон,
И снова кончилась еда...

Из крана капает вода.

В окне морозная слюда,
А за окошком – Новый год
И участковый-обормот,
Он неожидан, как беда...

Из крана капает вода.

Лежат под снегом города –
Застыла мраморная Русь.
Неужто я в запой сорвусь?

Гудят и стонут провода,
Из крана капает вода...

Русь
царящая

* * *

Перезвон гитарный, женский визг,
Летний вечер синью мажет город.
Напиваюсь я, конечно, вдрызг,
Так, что звёзды сыплются за ворот.

И по разогретой мостовой
Я иду, почти что не качаясь.
Мне фонарь кивает головой,
Словно жёлтым пивом наливаясь.
Захожу в кафе и ресторан –
Всюду принимают, как родного:
Подают закуску и стакан,
На десерт – приветливое слово
И ямайский выдержанный ром –
После водки он особо гадкий.
А под утро вваливаюсь в дом,
По коврам раскидывая «бабки».

Засыпаю в запахе духов,
Коньяка и жареного лука.
И меня до самых петухов,
Как щенка, облизывает сука.

ОТХОДНЯКИ

Мне с перепою дышится на ладан,
И весь дрожу, как старый жёлтый лист –
То в участковом видится бен Ладен,
То в теще самый главный террорист.

Я выпил водки где-то два бассейна,
А, может, пять – ну кто её считал!
И стал похож обличьем на Хусейна,
И чаще нарываться на скандал.

Прости, Господи, душу нетрезвую
И до срока её не тревожь.
Я по жизни иду, как по лезвию,
И не прячу за пазухой нож.

А по ночам уже ни с кем не спится –
Забыт людьми и Богом, и женой.
И только подозрительные лица
Из космоса общаются со мной.

Такой кошмар, аж холодеют пятки,
И если я к утру не склею ласт,
То похмелюсь – и будет всё в порядке,
И управдом при встрече руку даст.

Прости, Господи, душу нетрезвую
И до срока её не тревожь.
Я по жизни иду, как по лезвию,
И не прячу за пазухой нож.

ДУРДОМ

Плачет вся моя родня –
“Крыша” едет у меня.
Плачет дядька здоровенный:
– Он был с детства патогенный!
Где не надо, первым лез.
Нездоровый интерес
Проявлял к своей кухне –
Хохотушке и разине.
Плачет медик, тёщин брат:
– Извиняюсь, виноват.
Мог бы вовремя заметить –
Не вчера он начал бредить
И нести такую чушь
Про нетленность наших душ.
И кухня тоже плачет:
– “Крыша” едет – это значит,
Не поможет ему врач,
Он теперь белогоряч.
Выпьет втихаря чекушку –
Сразу лапает подружку.
Плачут хором тесть и зять –
Им два слова не связать,
С понедельника в загуле,

Тычут в нос друг другу дули.
Только я один не плачу –
Окружающих дурачу.
Мне от армии броня –
“Крыша” едет у меня.

УЛИЦА ЛЕНИНА В ПЕРМИ

Ровный шум от колёс резиновых
И закат ещё не потух.
На проспекте в дымах бензиновых
Развернулась фаланга шлюх:
Курят, вертят круглыми попками,
Чтоб товар показать лицом;
Те, которые были робкими,
Подбодрили себя винцом.

Эх, пропащая, Русь гулящая!
Либо ложь – и вон, либо в кон.
Только боль в глазах – настоящая,
Да печален взгляд у икон.

В триста рэ их судьба оценена,
Дальше – скидка за каждый час.
Возродила улица Ленина
Презираемый всеми класс –
Не буржуев и не трудящихся,
А больных и несчастных «жриц».
И старухи на них таращатся,
Не выдавшие заграниц.

Эх, пропащая, Русь гулящая!
Либо ложь – и вон, либо в кон.

Только боль в глазах – настоящая,
Да печален взгляд у икон.

Жить красиво им тоже хочется,
И любить одного – не всех.
Что ж, когда-нибудь всё закончится,
Да простит Господь женский грех.
И не будет проклятой улицы,
И забудется шум колёс...
Улыбаясь, девчонки шурятыся,
И клиенты не видят слёз.

Эх, пропащая, Русь гулящая!
Либо ложь – и вон, либо в кон.
Только боль в глазах – настоящая,
Да печален взгляд у икон.

ТУРЕЦКИЕ БАНИ

Нездешний запах эвкалипта
Туманит голову, как сон.
Вино по рюмочкам разлито,
И стол накрыт на двух персон.
Мы незнакомые почти что –
Сидим, болтаем ни о чём.
Твоё прозрачное бельишко
Небрежно скинуто плечом.

И я пока ещё стесняюсь
Горячей женской наготы –
То взглядом в стену упираюсь,
То глупо пялюсь на цветы.

Обряд купания извечен,
Прекрасны мокрые тела.
На белый мрамор ставят свечи,
И тьма под нами поплыла...

В домашней ванне мало прока –
В ней только трусики сушить.
Умеют граждане Востока
И жить красиво, и грешить.

ОБЫДЕННОЕ

*Харину Володе посвящаю
на память о разном*

Когда устану просто жить,
Во всём жене противореча,
Я опускаю скорбно плечи
И начинаю тихо пить.

Без шумных драк, в печати судных,
Без всяких гадостей паскудных,
В пивных и у ларьков посудных
Я пью из банки и горла.
Закуска, правда, что придётся
(Без мяса пьянка обойдётся,
А вот без лука тяжело пьётся), —
Жена б и это не дала.

Я пью вина цветную муть,
Пью, невзирая на усталость.
И потихоньку лезет старость
Бездомной кошкой мне на грудь.

А по ночам приходят люди —
Они ведут себя, как судьи,
И, выгибая гордо груди,
Перстами целятся в меня.
А я закона не нарушил,
Я не губил чужие души,

Но вот обрезали мне уши,
И плачет вся моя родня.
И, пробудившись поутру,
Стучу зубами в край стакана –
Чтобы жена не попрекала,
Гоняю воду по нутру.
– Довольно слёз, я пить бросаю!
Привычно теще обещаю
И, отвернувшись, хрипло лаю:
– В пивную больше ни ногой!
И хоть в душе моей короста,
И тянет холодом с погоста,
Живу хозяйственно и просто,
И жду неделями запой.

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Привокзальная площадь –
Ветер флаги полощет,
И мигают уютно
Городские такси.

Пиво, слёзы и речи,
Расставанья и встречи:
Поцелуи прилюдно
В губы, лоб и виски.

Зимний вечер вчерашний.
Под старинною башней
Ты смахнула с ресницы,
Как снежинку, слезу.

Неба звёздного ребус
И холодный троллейбус.
Я дышу в рукавицы
И твой запах везу.

И, наверное, каждый
Вспомнит площадь однажды.
Что особенно важно –
С огоньками такси.

И напьётся втихушку,
Чтоб заплакать в подушку,
И когда-нибудь даже
Умереть от тоски.

КАФЕ «ЛАГУНА»

С настроением драгуна,
Неубитого в бою,
Поварам в кафе «Лагуна»
Комплименты раздаю.

Мне девчонка из-за стойки
Пишет в воздухе слова.
У неё такие дойки –
Аж кружится голова!
У неё такая попа,
И белья почти что нет.
Так бы взял её и слопал
Под сурдинку на обед.

За столом пространства мало,
Пляшет очередь в сортир.
Я из этого подвала
Наблюдаю целый мир.

А вокруг хмельные лица –
Нет ни масок, ни личин.
Чтобы дальше веселиться,
Пью за женщин и мужчин.
Пью за тех, кто нынче в море –
Пусть им плещется вода.

Не с кем пить – ещё не горе,
Пить без повода – беда.

* * *

Нет, Вы ему рассказываете сказки
И стройте Ваши ангельские глазки,
И где-нибудь в уютненькой тиши
Он Вам подставит уши для лапши.

Душевную испытывая муку,
Мозолистую Вам предложит руку
И, ощущая счастье, – как в раю,
Подарит Вам фамилию свою.

Ни времени, ни денег не потратив,
Он под венец пойдёт, рога отпятив,
И как мужик – ну просто никакой!
Но Вам, увы, и нужен был такой.

Сыплет снежная крупа
Белой солью в пиво.
Ты наивна и глупа –
Даром, что красива.

На плечо легла коса,
В пальцах сигарета.
Стынет лесополоса,
Дождаясь лета.

По капоту закусон
Второпях расставлен.
Воздух чист и невесом,
Но враньём разбавлен.

Обнажаю твою грудь,
Как леплю скульптуру.
Очень просто обмануть
Молодую дуру.

И когда тебе от сна
Станет жарковато –
Это поздняя весна
Будет виновата.

ТЫ БЫЛА КАК НЕДОТРОГА ВЧЕРА

На тарелке белый хлеб, ветчина
И колечками нарезанный лук.
Ты была как недотрога вчера,
Говорила мне:
– Давайте без рук!
Всё хихикала:
– Вы чё, гражданин,
Снова капнули на юбку салат.

А я просто был в тот вечер один
И тебе, как всякой женщине, рад.
И, фактически ни с кем не знаком,
Под усиленный колонками рёв
Я поил твоих друзей коньяком,
Наливая пацанам до краёв.

На эстраде пела скрипка для нас,
А мы словно и не слышали нот.
Ты сказала:
– Пригласите на вальс.
Я ответил:
– Приглашу... На фокстрот.

И кричали – всё ништяк! – пацаны.
Твоя кофточка искрилась от брызг.

Танцевали в кабаке только мы
И два раза даже вышли на «бис».

Ты была как недотрога вчера,
А сегодня пьяный гонор прошёл,
И с похмелья у тебя ни хера
Сверхтакого я, увы, не нашёл.

Модница

* * *

Брожу один среди аллей,
Гляжу на небо через листья,
А сам ловлю себя на мысли,
Что снова думаю о ней.

Мне очень крупно повезло,
В другой раз этого не будет:
Такие
 лишь однажды любят –
От всей души
 и всем назло.

БЕЛЫЕ СТИХИ

Когда я гляжу,
как лопается
от весеннего
солнца
набухшая соком
вербная почка,
я хочу быть
солнцем.

Когда я гляжу,
как брызжет
изумрудами
пляшущий
в белой рубаше
ромашек
июльский дождь,
я хочу быть
дождём.

Когда я слышу
в песне
гуляющего
по хлебным полям
молодого ветра
голоса
созревающих зёрен,
я хочу быть
ветром.

Когда я смотрю
на тебя
и вижу,
как светится
радостью
твоё
голубоглазое лицо
с моим поцелуем
на полуоткрытых губах,
я хочу быть
твоей
радостью.

* * *

Первое марта. Начало весны.
Видят берёзы последние сны.

Капля на кофточке. Или слеза.
И с изумрудным отливом глаза.

Узкая комната. Солнечный свет.
Годы проходят, а счастья всё нет.

Смотрят с простенков пустых образа.
И с изумрудным отливом глаза.

Белая кипень. Черёмухи цвет.
Вешней грозой палисадник согрет.

В прошлом остались весна и гроза.
И с изумрудным отливом глаза.

МАРТ

Резче тени – больше света,
Солнце плавится в снегу.
Я до будущего лета
Поцелуи сберегу.

Неприменно снег растает,
А пока ещё, увы,
Очень в марте не хватает
Свежескошенной травы
И вечерней дымки зыбкой
Из оранжевых слоёв.

Я люблю глядеть с улыбкой
На смущение твоё,
Как в стыдливые ладони
Прячешь милые грехи.

Петропавловской мадонне
Подарю свои стихи
И, конечно, захмелею –
Суну в небо кулаком!

Никогда не пожалею,
Что с тобою был знаком.

* * *

Я вина хмельного и терпкого
Из бокала отпил глоток
И тобой любуюсь –

у зеркала

Ты примериваешь платок.
А ладонь, девически узкая,
Нежно трогает модный лён.

Ты моя красавица русская,
Я, как мальчик,
в тебя влюблён.

Мне глазами карими ласково
Улыбаешься, сморщив нос.

И корона вспыхнула царская
В золотом сияньи волос.

НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙ В ГЛАЗА

Про любовь свою, прошу, не говори –
Лучше чаю мне покрепче завари.
Посидим вдвоём на кухне, помолчим.
Я давно уже, по сути, стал ничьим.

Хорошо в лесу бродилось
И под звёздами спалось.
Из того, что получилось,
Ничего не удалось.

Замотали, закрутили нас дела –
Отзвенела наша юность, отцвела.
Прокатилась по судьбе моей гроза.
Не заглядывай, пожалуйста, в глаза.

Хорошо в лесу бродилось
И под звёздами спалось.
Из того, что получилось,
Ничего не удалось.

Не жалею меня, родная, не жалею –
Как положено, рюмашечку налей,
Прикоснись ко мне нечаянно плечом,
Только спрашивать не надо ни о чём.

Хорошо в лесу бродилось
И под звёздами спалось.
Из того, что получилось,
Ничего не удалось.

БИЗНЕС-ЛЕДИ

(Мелодрама)

ОН

Не ради пресловутого престижа
На всех парах я мчусь в аэропорт.

ОНА

Я ночью прилетела из Парижа,
А утром уезжаю на курорт.
Улечу, уйду, уеду
Не в Париж, так в магазин.

ОН

Бизнес-леди, бизнес-леди –
Привыкаю жить один.

ОНА

Шальная жизнь меня взасос целует,
У ног моих поверженный бомонд.

ОН

А мне судьба лишь два часа дарует –
Твой поезд проводить за горизонт.
Бизнес-леди, бизнес-леди –
Привыкаю жить один.

ОНА

Улечу, уйду, уеду
Не в Париж, так в магазин.

ОН

Но если, как нечаянную милость,
Мне принесёт записку почтальон.

ОНА

Ты бросишь всё, и, что бы ни случилось,
Опять придёшь с букетом на перрон.
Улечу, уйду, уеду
Не в Париж, так в магазин.

ОН

Бизнес-леди, бизнес-леди –
Привыкаю жить один.

* * *

Мы идём с тобою рядом –
Ты неглупая почти.

Рыжеватым водопадом
Льются волосы в очки.
Расклешённая юбчонка,
Ридикюльчик без ремня...

Симпатичная девчонка,
Что ты хочешь от меня?

Я не маг и не кудесник –
Счёт давно забыл годам.
Твой отчаянный ровесник
В одиночку пьёт «Агдам»,
Колотя в сердцах стаканы,
И ругается грешно.

Он тебя ревнует пьяный –
Получается смешно.
Ты похожа на подростка
С авантюринкой в глазах.
Провожу до перекрёстка
И – потопаю назад.

МОДНИЦА

Ты надела сегодня шортики,
Пристегнула заколкой волосы,
А в глазах озорные чёртики,
А на маечке летней полосы.
Я твои расцелую пальчики –
Нам с тобой веселиться хочется.
На тебя загляделись мальчики,
Ненаглядная моя модница.

Прошлым летом любил я другую –
Не такую, как ты, не такую.
Отшумела пора листопада,
И теперь мне другую не надо.

Не достанут нас кривотолками
У подъездов старухи разные.
Солнце в лужах горит осколками,
Как на счастье разбитой вазою.
И глаза, и ресницы дивные –
Из лучей ты как будто соткана.
Вечера наши очень длинные,
Только лето у нас короткое.

Прошлым летом любил я другую –
Не такую, как ты, не такую.
Отшумела пора листопада,
И теперь мне другую не надо.

* * *

Ты идёшь походкой гордой –
Не задень тебя, не тронь...
Осень ткнулась рыжей мордой
В мою тёплую ладонь.

Опьянев от поцелуя,
Куролесю по Тверской –
Васильков тебе нарву я
Прямо с клумбы городской.

Принесу живых и влажных,
Брошу в доме на полы.

У кремлёвских древних башен
Вместо звёзд теперь орлы.
И не красный, а трёхцветный
Флаг трепещет над Москвой.

Я давно уже не бедный,
Но пока ещё не твой.
Мы друг другу станем ближе –
Обо всём поговорим.

А Россия в губы лижет,
Признаёт меня своим.

* * *

За морозным узором витрин
Розовеют нарядные блузки.
Я сегодня остался один
И пью водку без всякой закуски.
Выхожу на проспекты, как вор,
Что с прохожих срывает
наряды.

Неприлично, глазами в упор,
Я краду интересные взгляды.
На меня смотрят косо менты,
По-охотничьи чуя клиента,
И, наверное, встретишься ты,
И заглянешь мне в душу
зачем-то.

Ах, какие стоят холода!
Растираю перчатками уши.
Ты пока чересчур молода,
Чтоб разглядывать голые души.
И ещё: манекеном не будь,
Это, в общем-то, скучно
и глупо –

Под бюстгальтером
классная грудь,
Но холодная, словно у трупа.

СЮРПРИЗ

Предновогодняя распутица.
А я – цветы тебе дарю.

Зима, как женщина-распутница,
Вдруг изменила декабрю,
И льёт, почти что неостуженный,
Весенний дождик на штаны,
Бесстыдно отражая лужами
Живот беременной луны.

И мокнут ели овдовевшие
В отраве жёлтых фонарей.

Мы с декабрём – как потерпевшие.

Ряды стеклянных батарей
Заморских вин и прочей сладости
Витрина празднично несёт.

Какой сюрприз, ну в смысле – гадости,
Зима ещё мне поднесёт?
Иду, шарахаясь от ряженных,
А может, всё наоборот.

Три чайных розы в каплях радужных
Несу тебе на Новый год.

МАРГАРИТА

Всё, как положено – луна
По небу молоком разлита;

От чар бесстыдна и пьяна
Взмывает к звёздам Маргарита:
Красива и обнажена,
Парит над скучными домами,
И чья-то юная жена
Завидует летящей даме,
И смотрит в зеркале загар,
Своё ощупывая тело, –
Тончайший сорван пеньюар
И на ковёр отброшен смело.

Она садится на кровать,
Гадая на бубновой масти.
Ей тоже хочется летать,
Но муж её, увы, не мастер,
А лишь богатый человек...

Звучит «Восточная сюита»,
И по ночам который век
Танцует в небе Маргарита.

АМАЗОНКА НАСТЯ

И сидела наездница гордо –
Амазонка сибирских кровей.
В аккурат лошадиная морда
У моих оказалась бровей.

Не цыган я – заглядывать в зубы
И молиться на стройных кобыл.
Я девчонок в горячие губы
Целовать с юных лет любил.
Потому и хмелею от счастья,
Когда рядом такая краса.

– Как зовут тебя, девушка?
– Настя.

А на грудь золотая коса
Переброшена жестом небрежным...
За девичью балетную стать
Я готов исключительно нежным
Даже к лошади, бля буду, стать!

– Вы, мужчина, наверно, нездешний,
Бойтесь норова наших коней.

Что мне кони! Я, пьяный и грешный,
Захотел вдруг понравиться ей.

И, открыв для объятия руки,
Улыбнулся иссохнувшим ртом.

И меня за отвагу и муки
Настя очень любила потом.

МИЛАНА

Твоё имя звучало странно
И малиново, словно медь.
Я любил повторять: «Милана»,
Чтоб согласные звуки петь.

И звенели они под ветром,
Будто ласковый дождик шёл.
Было нам прошлогодним летом
Удивительно хорошо:
Небо звёздами многоточий
Отражалось в твоих глазах,
Вот, запомнились эти ночи
С поцелуями на губах;
И старинный мольберт, и краски,
И картина «Девятый вал»...

Разговоры по-югославски
Я на русский лад понимал –
Пусть не всё, а только отчасти,
Но угадывал сердцем связь.

Ты, наверное, мне на счастье
Вместе с именем родилась.

1969-1983

* * *

...А я родился на Урале –
В краю гранёных синих скал,
В краю, где дымом красят дали
И будят запросто металл;
Где травы пахнут терпко, сладко,
И медным гулом дышит гром,
Где есть чудесный город Сатка
С цветочным детством и прудом.

Родился я морозной ночью.
И жар мартеновских печей,
И заводских туманов клочья,
И сказки матери моей
О древнем батюшке Урале
Мне с материнским молоком
Попали в кровь – и кровью стали;

И где бы ни был я потом,
Куда б меня ни заносила
Судьбы крылатая волна –
Твоя, Урал, святая сила
Не раз мне в жизни помогла.

РЫЖАЯ ОСЕНЬ

Осень щедро краской брызжет –
Красит землю чем-то рыжим:
Рыжий клён и две берёзы,
Рыжий мальчик несерьёзный;
Муравьишка – рыжий, рыжий!
Не спеша, из щели вышел,
С пня на травы шустро слез
И пошёл работать в лес.
Даже солнце для престижа
Осень выкрасила в рыжий
С золотым оттенком цвет.
Весь в морщинах рыжий дед,
Попрощаться выйдя с летом,
Замер, весь облитый светом, –
Рыжим, рыжим, как пшено.
На току звенит зерно
Золотым многоголосьем –
В поле вызрели колосья.
Осень к ним подкралась ближе
И мазнула краской рыжей
С маху прямо по усам.
Это всё я видел сам.
Кто не верит мне – проверьте,
Побродите в круговерти
Рыжей, рыжей гаммы дня –
Сразу вспомните меня.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Опять весна в лицо мне дышит,
Опять сосулек тонкий звон:
Чернеют шиферные крыши,
Зима свой покидает трон.

И вдоль размокших тротуаров
Крадутся робкие ручьи,
И из своих репертуаров
Весенний гимн поют грачи.

Опять весна в лицо мне дышит,
Смеётся звонко надо мной,
Мол, вот чудак, всё что-то пишет.
А я стихи пишу весной!

МОЛИТВА

Спаси, Господи, люди твоя

и

Помоги мне уберечь себя от лжи,
К светлой истине дорогу укажи,
Разгадай мне существующего суть,
Ярким Светочем во тьме предвечной будь.

От глаза недоброго,
От ворона чёрного,
От вражьего коварства
И от государства,
От вождя и кумира
Сохрани и помилуй!

Пусть развеется неверия зола,
Помоги мне уберечь себя от зла,
Настоящею любовью одари,
Чтоб во грех я не прелюбы сотвори.

От глаза недоброго,
От ворона чёрного,
От вражьего коварства
И от государства,
От вождя и кумира
Сохрани и помилуй!

Помоги мне быть всегда самим собой –
Даже если предстоит последний бой.
Укрепи во мне святую веру в ны,
В процветание и благо всей страны.

От глаза недоброго,
От ворона чёрного,
От вражьего коварства
И от государства,
От вождя и кумира
Сохрани и помилуй!

ГРЁЗЫ

Красным летом,
 звонким летом
Зачитаюсь книжкой Фета
В яркой зелени дубрав,
На ковре пахучих трав.
Убегу обратно в детство.
Ну, а Фет?

 Он только средство:
Его строки, чуть звеня,
Убаюкают меня.
И в который раз приснится
Та страна, где я родился,
Где в рубашке до колен
Уходил в волшебный плен.
Красным летом,
 звонким летом
Обольюсь дурманом света,
Заколдуюсь,
 закружусь...
Что, чудак я?
Ну и пусть!

А куда исчезла смелость,
Рассудите сами:
Перед мамами на зрелость
Им держать экзамен.

НОВОСТРОЙКА

Новостройка, новостройка.
Здесь кипит работа бойко,
Кран, звеня, несёт бетон –
Задаёт машинам тон.
Справа балки,
Слева балки.
Их подхватывают чалки
И рассчитано, с умом,
Дополняют балки дом.
Солнце сверху жаром пышет,
Но уже готова крыша.
Застучали топоры,
Появились маляры.
Кистью влево,
Кистью вправо –
Получился дом на славу.
Из бетона и стекла
Его стройка испекла!

ТАРАНГУЛ

Мерный скрип уключин,
Вольных волн разгул –
Ко всему приучен
Древний Тарангул.
В нём полощет небо
Ситец облаков.
Я гляжусь, как в небыль,
В зеркало веков.
Может быть, когда-то
По пути в свой стан
Здесь добычу прятал
Грозный Чингисхан.
Может, здесь княгиня
Плакала в тоске –
Слёзы рябью синей
Сохнут на песке.
Время быстротечно,
Сказкой стала быль.
Покрывает плечи
Водяная пыль...

ЗАПАХИ

Мои руки пахли
Ромашками
И калиной с мороза
Терпко;
Что скрывать,
Было время –
И бражкой
Пахли руки мои
Крепко-крепко.
И хоть я
Не потомственный
Пахарь –
Уваженья такого
Не требую –
Мои руки соляркою
Пахли
И горячим от солнца
Хлебом.
А когда повстречал
Недотрогу,
Пахли руки мои
Любовью.
Но ни разу ещё,
Слава Богу,
Мои руки
Не пахли
Кровью.

*Рассстрелданные
дети*

РАССТРЕЛЯННЫЕ ДЕТИ

*Школьникам Беслана, павшим
от рук бандитов, посвящается*

Как тяжело жить на этом свете,
Когда всё можно палачам.
Ко мне расстрелянные дети
Приходят плакать по ночам.
Их стон и жалобен, и страшен,
Как месть заклятому врагу.

Несостоявшихся сограждан
Я успокоить не могу.

Как тяжело жить на этом свете,
Где сны похожи, как в бреду.
Ко мне расстрелянные дети
Несут недетскую беду.
И от неё – куда деваться!
И явно груз не по плечу.

Я разучился улыбаться
И научиться не хочу.

Как тяжело жить на этом свете
И верить пламенным речам.

Ко мне расстрелянные дети
Приходят в гости по ночам.
Дрожат их маленькие тени,
На ранах кровь, как бахрома,

И от церковных песнопений
Схожу я медленно с ума.

Страна, распятая на плахе,
Другую вряд ли где найду.
Живу в смирительной рубахе
На этом свете, как в аду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Поклонюсь борозде, как праху.
Словно завтра – опять потоп,
И, порвав на груди рубаху,
Упаду в придорожный сноп.

От колючей ржаной соломы
Пыль набьётся в глаза и нос.
Хлебный запах такой знакомый,
Будто в этой соломе рос.

Тяжела на чужбине дорога –
От сумы шагал до тюрьмы.
В синем небе увижу Бога
И услышу Его псалмы.

Ой, ты, родина, мать родная,
Журавлиный, с надрывом, крик.
Нет на свете печальнее края
Даже в самый радостный миг.

И совсем задохнусь от боли
(Мы от жизни и боль берём),
Когда взгляд перекатной голи
Резанёт по душе косарём.

* * *

Была страна, а в ней эпоха,
Делили горе не поврозь,
И в принципе жилось неплохо –
Нормально, в общем-то, жилось:

Стояла в погребке капуста
И рядом – краденый бензин,
Вот в магазине, правда, пусто,
Но то ж советский магазин.
Туда мы шли насмешки ради –
Мол, не прилавок, а дыра.

Зато на праздничном параде
Кричали партии: «Ура!»
И напивались под портретом,
В душе кляня Секретаря –

Конечно, жили под запретом,
Но жили, в общем-то, не зря:
Качали газ, детей растили,
Наивно верили словам...

Во всей красе своей и силе
Держава лопнула по швам.

От безысходности момента
В душе правительство кляню
И под портретом Президента
Я пью за новую страну.

* * *

В одной из рюмочных Тюмени,
Где накуряться не вопрос,
Я ел сибирские пельмени
В дыму дешёвых папирос.

Ах, эти улочки кривые –
Домов старинных неглиже.
Я в этом городе впервые,
А он мне нравится уже.

Его могучей крепкой силе
Поверил сразу, как в оплот.
Здесь дух купеческой России
Неистребим, как сам народ.

Есть много мест хороших в мире,
Но я не то сказать хочу:
– За ужин с водочкой в трактире
Любую цену заплачу!

* * *

Непорочна и божественно чиста,
Богородица баюкает Христа
И целует каждый пальчик Его ног,
Для неё –
 Он самый лучший в мире Бог.

Колыбельную задумчиво поёт:
– Сына Божьего никто не отберёт,
Не отдам Тебя и лучшей из невест...
Вырос Бог
 и Сам взошёл на крест.

ГАДАЛКА

– Погадай мне, мать, на кумалаках, –
Я сказал цыганке пожилой.

– Много раз участвовал я в драках,
А хожу здоровый и живой.
Кто меня сберёт во время пьянки,
Если был я просто никакой?

И глаза блеснули у цыганки:
– Всё скажу, ты слушай, дорогой!
Значит, не судьба тебе, красивый,
У кого-то дрогнула рука.
Твой хранитель – мученик Василий –
На тебя не гневался пока.
Видимо, ещё кому-то нужен
Глаз твоих невыплеснутый плач,
И от горя водку пьёт на ужин
За тобою посланный палач.

Не скупись на денежку, фатовый,
Золоти цыганкину ладонь –
Жизнь твоя изогнута подковой,
А подкова просится в огонь.
Не жалея сгорающих окалин,
Обретая новую судьбу, –
Старая, как улицы окраин,
У тебя морщинами на лбу...

Облаков разорванные ситцы
Шалый ветер нёс по небесам,
И гадалка вскинула ресницы:
– Остальное ты узнаешь сам.

ПОСМЕРТНОЕ

Я был когда-то человеком:
С похмелья бегал по аптекам,
Имел богатство и успех,
Короче – жил не хуже всех,
И даже был кому-то нужен,

Хотя примерным не был мужем,
А всё же в меру своих сил
Жён очень искренне любил.

Но цепь супружеского долга
Меня держать могла не долго,
И я, скитаясь по стране,
Искал девчат на стороне.

И вот я здесь – теперь уж дома,
И слышу нечто вроде грома,
Когда, печальны и тихи,
Вы шепчете мои стихи.

Глазами с траурного фото
Мне посмотреть всегда охота,
Как вы с букетами в руках
Не забываете мой прах.

РУСЬ

Благолепная и окаянная,
Иногда вороватая – пусть!
Горемычная, рваная, пьяная
Мать моя – величавая Русь.

Мягкотелая, глупая, добрая,
Удавиться готова за грош,
В морду битая, сильная, гордая,
Умиравшая часто за ложь;

Неподкупная Русь и продажная,
С чистым взором на грешном лице,
Благородная, подлая, страшная,
На иконах в терновом венце;

Необузданная, гениальная,
Расточавшая воду в пески,
Крови жаждущая, аморальная,
Волком воющая от тоски;

Искалеченная и бесхрамная –
На соборных крестах вороньё,
Ты в судьбе моей самая главная,
Моё счастье и горе моё.

Содержание

Владимир Гундарев. Биение подлинной жизни.....4

Край земли

1. «Астана».....13
2. «Баллада о первоцелиннике Василии Рагузове»....15
3. «Степь начиналась от воды...».....19
4. «Баллада о совести».....20
5. «Памятник в бывшем райцентре».....24
6. «Край земли».....25
7. «Таможенная зона».....27

Дар нечаянный

1. «Пасха».....31
2. «Умирал в палате солдат...».....32
3. «По сути надо человеку мало...».....33
4. «Густая тень сосновых лапищ...».....34
5. «Самарканд».....35
6. «Уже грядёт похолоданье...».....36
7. «Первая охота».....37
8. «Шахер-махер».....38

9. «Опа!».....	40
10. «Не пойманный – не вор».....	42

Чётные цветы

1. «А. Пушкину и М. Жумабаеву».....	45
2. «С. Есенину».....	47
3. «Н. Рубцову».....	48
4. «А. Кутилову».....	50
5. «И. Талькову».....	52
6. «М. Кругу».....	53
7. «В. Гачинскому».....	54

Деревянные ступени

1. «Снится мне опять и опять...».....	57
2. «Крещение».....	59
3. «Господи, Твоя воля...».....	60
4. «Предсмертие».....	61
5. «Я жёг мосты...».....	64
6. «Встреча».....	65
7. «Старая песня».....	67

Чёртов Камень

1. «Храни, Россия, свой пресветлый лик!...».....71
2. «Беда».....72
3. «Когда нет помощи окрест...».....73
4. «Есть у собак своя собачья мера...».....74
5. «Лихула».....75
6. «Предьява».....77
7. «Так бывает: прирезится мне...».....79
8. «Чёртов Камень».....80

Попутчица

1. «Трактат о мухах».....83
2. «Грубиян».....87
3. «Нехорошее слово».....88
4. «Попутчица».....90
5. «А ты изменилась...».....108

Шурши, малина!

1. «Я слышал печальные звоны...».....111
2. «Атлянский вальс».....112
3. «Воробушек».....114
4. «У Толяна фикса из рондоли...».....115

5. «Штрафник».....	116
6. «Штригеля».....	118
7. «Я полюбил постылый свой барак...».....	120
8. «Пересылка».....	121
9. «А я откинулся, в натуре...».....	122
10. «Мы с Вами, конечно, не пара...».....	123
11. «Весна, как девка, дразнится...».....	124
12. «Наколочка».....	126
13. «В Златоусте сиреневый вечер...».....	128

Грешные души

1. «Баллада о кочегаре».....	131
2. «Я не просто жил – я молчал...».....	136
3. «Меня назначили поэтом...».....	137
4. «Христос воскрес!».....	139
5. «Я дал монетку побирушке...».....	140
6. «Ходит по городу нищий...».....	141
7. «Зимние забавы».....	142
8. «Из крана капает вода...».....	143

Русь гулящая

1. «Перезвон гитарный, женский визг...»..... 147
2. «Отходняки»..... 148
3. «Песня алкоголика»..... 150
4. «Дурдом»..... 151
5. «Улица Ленина в Перми»..... 153
6. «Турецкие бани»..... 155
7. «Девушка-подкладка»..... 156
8. «Обыденное»..... 157
9. «Привокзальная площадь»..... 159
10. «Кафе «Лагуна»..... 161
11. «Ты упала в чужую кровать...»..... 162
12. «Нет, Вы ему рассказывайте сказки...»..... 163
13. «Сыплет снежная крупа...»..... 164
14. «Ты была как недотрога вчера»..... 165

Модница

1. «Брожу один среди аллей...»..... 169
2. «Белые стихи»..... 170
3. «Первое марта. Начало весны...»..... 172
4. «Март»..... 173
5. «Я вина хмельного и терпкого...»..... 174
6. «Не заглядывай в глаза»..... 175

7. «Бизнес-леди».....	177
8. «Мы идём с тобою рядом...».....	179
9. «Модница».....	180
10. «Ты идёшь походкой гордой...».....	181
11. «За морозным узором витрин...».....	182
12. «Сюрприз».....	183
13. «Ленка».....	184
14. «Маргарита».....	185
15. «Амазонка Настя».....	186
16. «Милана».....	188

1969-1983

1. «...А я родился на Урале...».....	191
2. «Рыжая осень».....	192
3. «Первые стихи».....	193
4. «Молитва».....	194
5. «Грёзы».....	196
6. «Экзамен».....	197
7. «Новостройка».....	199
8. «Тарангул».....	200
9. «Два Ильича».....	201
10. «Запахи».....	202

Расстрелянные дети

1. «Расстрелянные дети».....205
2. «Возвращение на родину».....207
3. «Была страна, а в ней эпоха...».....208
4. «В одной из рюмочных Тюмени...».....210
5. «Непорочна и божественно чиста...».....211
6. «Гадалка».....212
7. «У Петровича всё в ажуре...».....214
8. «Посмертное».....215
9. «Русь».....216

ОПЕЧАТКИ

Стр. 42. Вторую строку читать: "И потихоньку спрятали в оффшор."

Шестую строку читать: "И кто-то вдруг ему погасит взор".

Стр. 108. Третью строку читать: "И я не зову тебя "рыбка".

Стр. 197. Пятая строка: "Пол помыть, заправить койку".

Колин Василий Васильевич
«Наколочка»
Стихи разных лет

Корректор: Елена Мурзалиева

Художники: Евгения Джамангалова

Данара Айтенова

Александр Шимов -

обратная сторона обложки

Дизайн: Ольга Ледовских

Алексей Белоусов

Сдано в набор 15.01.2005 г. Компьютерный набор.
Подписано в печать 30.03.2006 г. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 1000.
Заказ № 4789. Отпечатано в АО «Полиграфия».
г. Петропавловск, ул. Конституции Казахстана, 11,
тел 8(3172)46-96-08, 46-53-82

